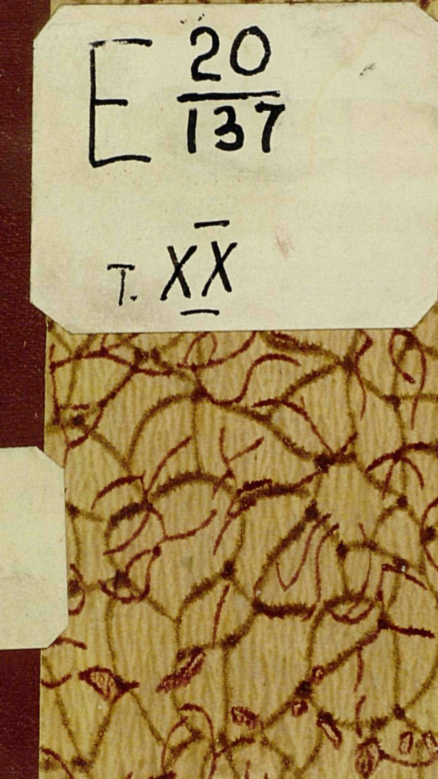
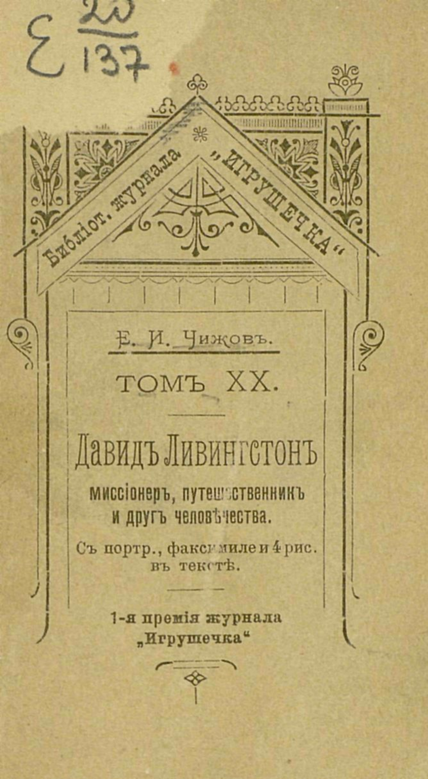

E 20/137
T. XX

Е. И. Чижовъ.

ТОМЪ XX.

Давидъ Ливингстонъ

миссіонеръ, путешественникъ и другъ человѣчества.

Съ портр., факсимиле и 4 рис. въ текстѣ.

1-я премія журнала „Игрушечка"

БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА".

ТОМЪ XX.

ДАВИДЪ ЛИВИНГСТОНЪ

миссіонеръ, путешественникъ и другъ человѣчества.

Съ портретомъ и 6 рис. въ текстѣ.

СОСТАВИЛЪ

Е. И. ЧИЖОВЪ.

1-я премія журнала „Игрушечка".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

Дозволено ценз. СПБ., 8 ноября 1900 г.

Типогр. Минист. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117.

Давидъ Ливингстонъ.

Давидъ Ливингстонъ родился въ очень бѣдной семьѣ. Его отецъ служилъ писаремъ на прядильной фабрикѣ, а мать хлопотала по хозяйству и не знала, какъ свести концы съ концами на крошечное жалованье мужа. Дѣдъ былъ прежде крестьяниномъ, но отъ нужды ушелъ на фабрику. Онъ часто

*

разсказывалъ маленькому Давиду, какъ его собственный дѣдъ, а можетъ быть и прадѣдъ, говорилъ своимъ дѣтямъ: „Въ нашемъ роду не было ни одного безчестнаго человѣка, честность у насъ въ крови. Помните это дѣти и будьте честны“.

Маленькій Давидъ былъ веселымъ и разговорчивымъ ребенкомъ. Часто по вечерамъ вся семья заслушивалась его, сидя у камина, а маленькій Давидъ сыпалъ

разсказами и шутками безъ конца.

Дома и въ вечерней школѣ Давидъ Ливингстонъ научился читать, а когда ему минуло десять лѣтъ, онъ поступилъ на фабрику, чтобы заработать что-нибудь въ помощь отцу и матери. Началась однообразная и утомительная рабочая жизнь. Въ шесть часовъ утра гудѣлъ свистокъ: надо было ужъ бѣжать на фабрику. Среди дня было два короткихъ

перерыва, во время которыхъ Давидъ едва успѣвалъ сбѣгать домой позавтракать и пообѣдать. Работа кончалась въ 8 часовъ вечера. Не легко и взрослому рабочему простоять четырнадцать часовъ на работѣ. Тутъ ужъ не до книгъ, не до ученья. Но маленькій Давидъ поступилъ на фабрику не за тѣмъ, чтобы бросить ученье, а затѣмъ, чтобы его продолжать. Изъ первыхъ же заработанныхъ

денегъ онъ купилъ латинскую грамматику и лишь только кончалась работа, въ 8 часовъ вечера, шелъ въ вечернюю школу. Въ 10 часовъ кончались уроки, Давидъ шелъ домой, но и тамъ занимался до 12 и позже, пока мать не отнимала у него книгу: вѣдь надо было вставать въ пять часовъ утра.

Къ шестнадцати годамъ Ливингстонъ ужъ свободно читалъ и понималъ латинскія книги — Виргилія и

Горацiя. Въ то же время онъ успѣлъ прочесть множество книгъ на своемъ родномъ англiйскомъ языкѣ. Ливингстонъ читалъ, что попадалось подъ руку, особенно путешествiя и всякiя книги по наукамъ, не читалъ только романовъ, да недолюбливалъ богословскiя сочиненiя; за послѣднее ему часто доставалось отъ отца. Несмотря на то, у Давида Ливингстона въ концѣ концовъ явилась мысль

сдѣлаться миссіонеромъ, отправиться въ какія нибудь дикія страны проповѣдывать язычникамъ евангельское ученіе. Онъ задумалъ ѣхать въ Китай. Но, чтобы поступить въ миссіонеры, надо было знать медицину. Онъ принялся за медицинскія книги. На фабрикѣ, среди грохота и жужжанія машинъ, Ливингстонъ почти не спускаль глазъ съ книги и въ то же время

дѣлалъ свое дѣло—присматривалъ за станками.

Девятнадцати лѣтъ Ливингстонъ сталъ заработывать столько, что могъ скопить немного денегъ. Тогда онъ поступилъ въ университетъ. Лѣтомъ онъ работалъ на фабрикѣ и откладывалъ половину своего заработка, а на зиму уѣзжалъ въ городъ Глазго, жилъ на скопленныя деньги и слушалъ лекціи въ университетѣ на двухъ факультетахъ: медицин-

скомъ и богословскомъ. Черезъ нѣсколько зимъ Ливингстонъ сдалъ экзаменъ и получилъ дипломъ. Теперь передъ нимъ дорога была открыта. Онъ предложилъ свои услуги лондонскому миссіонерскому обществу и былъ принятъ миссіонеромъ. Но въ Китай ему ѣхать не пришлось: въ то время англичане были въ войнѣ съ Китаемъ. Ливингстону предложили ѣхать въ англійскія миссіи въ Африку.

И вотъ въ 1840 году Ливингстонъ распростился съ Европой и переѣхалъ на южный край Африки, въ Капскую землю. Тамъ, вдали отъ берега, на границахъ англійскихъ владѣній, въ землѣ племени бечуановъ ужъ тридцать лѣтъ существовала англійская миссія въ мѣстечкѣ Керменѣ. Тамошній миссіонеръ Моффетъ составилъ словарь бечуанскаго языка и перевелъ на него библію. Онъ завелъ тамъ

даже типографію и печаталъ книги на бечуанскомъ языкѣ. Ливингстонъ научился у него многому. Впрочемъ, Ливингстонъ никогда не терялъ времени даромъ. Еще ѣдучи въ Африку на кораблѣ, онъ научился у капитана править кораблемъ и обращаться съ разными астрономическими инструментами. Черезъ три мѣсяца Ливингстонъ ушелъ изъ Керемена и прожилъ полгода одинъ среди туземцевъ

бечуановъ, чтобы научиться ихъ языку и узнать ихъ обычаи. Часто онъ ходилъ пѣшкомъ въ глубь страны, къ сосѣднимъ племенамъ.

Какъ то разъ онъ услышалъ, какъ его спутники бечуаны, не зная, что онъ понималъ ихъ языкъ, говорили по своему: „Онъ не силенъ, онъ совсѣмъ слабъ, онъ только на видъ толстъ, потому что на немъ надѣты эти мѣшки (брюки), но онъ

скоро выбьется изъ силъ". Съ этихъ поръ Ливингстонъ всегда шелъ впереди всѣхъ, не показывая усталости и вскорѣ его чернокожіе пріятели стали говорить о немъ съ уваженіемъ.

Страна, куда пріѣхалъ Ливингстонъ, была пустынна, часто страдала отъ засухъ, была усѣяна пригорками и каменными скалами и поросла травою да деревьями и кустами въ разбросъ. Тамъ жило

много разныхъ племенъ желтокожихъ, родственныхъ больше кафрамъ и готтентотамъ, чѣмъ чернымъ неграмъ. Каждое племя жило въ своихъ деревняхъ и повиновалось своему князю или главѣ. То былъ народъ невѣжественный, но добродушный, они ходили почти голыми, жили въ круглыхъ шалашахъ, сдѣланныхъ кое-какъ изъ вбитыхъ въ землю жердей, съ остроконечной соломенной кры-

шей. Отдѣльныя племена часто враждовали и воевали между собой. Нерѣдко цѣлое племя переходило жить въ другое мѣсто изъ-за вражды съ сосѣдями. Но они ни мало не были похожи на дикарей-людоѣдовъ, про какихъ разсказывали многіе африканскіе путешественники. Они не ѣли человѣческаго мяса и не продавали людей въ рабы. У нихъ не было идоловъ и они не знали никакихъ

боговъ; вмѣсто вѣры у нихъ были разные обычаи и повѣрья и были между ними люди, которыхъ они считали за колдуновъ, знахарей и пророковъ. Эти племена вели жизнь, очень похожую на ту, какую вело еврейское племя во времена патріарховъ Авраама и Іакова, и которая описана въ библіи. Они свято соблюдали обычай гостепріимства: всякій, кто приходилъ къ нимъ съ миромъ, получалъ

и пріютъ, и пищу, и защиту. Они были болѣе робки, чѣмъ дики. Жили они земледѣліемъ, а еще больше скотоводствомъ, иногда ловлею дикихъ звѣрей—ихъ тамъ водилось множество. Эти бѣдные люди много страдали отъ своего неумѣнья, робости и темноты.

Нѣсколько обучившись языку, Ливингстонъ поселился въ бечуанской деревнѣ вмѣстѣ съ другимъ миссіонеромъ. Онъ самъ

*

построилъ себѣ домъ, церковь и школу. Для этого ему пришлось своими руками срубить, обтесать и уложить каждое бревно и доску, сдѣлать каждый кирпичъ: туземцы хоть и рады были помочь ему, да ничего не умѣли. Ливингстонъ самъ былъ и плотникомъ, и столяромъ, и кузнецомъ, и пахаремъ, и садоводомъ. Всему этому онъ научился въ Керменѣ отъ Моффета, а кое-чему и отъ туземцевъ-бечуановъ.

Устроившись, онъ принялся учить окрестныхъ жителей и помогать имъ, чѣмъ могъ.

Разъ въ той мѣстности, гдѣ жилъ Ливингстонъ, откуда то появились львы. Они перескакивали черезъ заборъ въ огороженное мѣсто, куда на ночь загоняли скотъ, и таскали коровъ, а потомъ стали нападать на стадо среди бѣлаго дня. Жители были въ ужасѣ: они были увѣрены, что львовъ на нихъ

наслали колдуны, и что съ ними ничего нельзя сдѣлать. Ливингстонъ ободрилъ ихъ и уговорилъ напасть на львовъ. Онъ слыхалъ, что, если убить одного льва, то остальные львы уйдутъ изъ той мѣстности. Собрались охотники бечуаны съ копьями, во главѣ ихъ самъ Ливингстонъ и Мебальве, школьный учитель изъ туземцевъ, бывшій ученикъ Моффета. Львы скрывались на пригоркѣ, поросшемъ деревья-

ми. Ливингстонъ разставилъ людей съ копьями вокругъ пригорка со всѣхъ сторонъ и велѣлъ имъ сходиться къ серединѣ, чтобы окружить львовъ. Когда кругъ охотниковъ сдвинулся вплотную, увидѣли одного льва. Учитель выстрѣлилъ изъ ружья, но промахнулся: пуля ударила въ скалу. Разъяренный левъ кинулся къ тому мѣсту, куда ударила пуля и сталъ грызть его, какъ собака кидается на бро-

шенный камень, потомъ прыгнулъ прямо на людей. Бечуаны разбѣжались въ стороны, а левъ въ нѣсколько скачковъ скрылся. Когда кончилась суматоха, охотники опять сдвинулись и окружили еще двухъ львовъ, но Ливингстонъ боялся стрѣлять въ нихъ, чтобы не попасть въ людей. Львы выбѣжали изъ круга, какъ и первый, а туземцы бросились вразсыпную, и даже никто не осмѣлился пустить въ

львовъ копьемъ, пока они бѣжали мимо. Видя, что ничего нельзя сдѣлать съ такимъ трусливымъ народомъ, Ливингстонъ позвалъ всѣхъ домой. Вдругъ онъ видитъ — одинъ левъ притаился на скалѣ среди кустовъ. Ливингстонъ подошелъ къ нему на тридцать шаговъ, прицѣлился и выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ. Всѣ закричали: „Убитъ! Убитъ!“, но левъ только яростно махалъ хвостомъ. Ливингстонъ сталъ

снова заряжать ружье. Въ это время опять поднялся крикъ, и Ливингстонъ, взглянувъ, увидѣлъ, что левъ бросается на него. Одинъ скачекъ—левъ вцѣпился зубами въ плечо Ливингстону и началъ трясти его, какъ кошка мышь. Ливингстонъ разсказывалъ потомъ, что онъ въ эту минуту сознавалъ все, что съ нимъ происходило, но не чувствовалъ ни боли, ни страха. Когда левъ пересталъ трясти Ливинг-

стона и бросилъ его на землю, Ливингстонъ попробовалъ вывернуться изъ подъ лапы, которою левъ наступилъ ему на затылокъ. Кое-какъ повернувъ голову, онъ увидѣлъ, что учитель стоитъ въ десяти шагахъ и цѣлится въ льва изъ своего кремневаго ружья, а левъ пристально смотритъ на учителя. Вотъ учитель спустилъ курокъ: разъ—осѣчка;—другой—осѣчка. Въ тотъ же мигъ левъ бросилъ

Ливингстона и вцѣпился зубами учителю въ бедро. Тутъ на льва напалъ одинъ изъ бечуановъ съ копьемъ. Левъ оборотился къ нему и схватилъ было и его, но звѣрь ужъ ослабѣлъ отъ потери крови и въ тотъ же мигъ свалился замертво. У Ливингстона осталось одиннадцать ранъ и рука была сломана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Однако, онъ скоро выздоровѣлъ, но съ тѣхъ поръ ужъ не могъ мѣтко стрѣ-

лять изъ тяжелыхъ ружей. Учитель и другой охотникъ бечуанъ тоже были ранены и долго страдали отъ сильныхъ болей.

На четвертомъ году своей жизни въ Африкѣ Ливингстонъ женился на дочери миссіонера Моффета. Вскорѣ послѣ женитьбы онъ переѣхалъ съ прежняго мѣста и поселился съ женой среди баквеновъ. Это былъ народъ тоже бечуанскаго племени. Надъ баквенами началь-

ствовалъ князь или глава, по имени Сечель, человѣкъ разумный и склонный къ просвѣщенію. Онъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ Ливингстона, самъ задавалъ ему вопросы и вскорѣ выучился читать. Ливингстонъ и здѣсь выстроилъ домъ, церковь и школу, опять своими собственными руками.

Ливингстонъ и его жена вели трудовую жизнь. Они вставали съ разсвѣтомъ и до 11 часовъ оба учили

въ школѣ. Учениками были и дѣти и взрослые мужчины и женщины. Послѣ школы жена Ливингстона занималась въ домѣ по хозяйству, а самъ онъ работалъ то въ полѣ или въ саду, то въ кузницѣ, то плотничалъ. Ливингстону и его женѣ приходилось все дѣлать своими руками, начиная съ постройки дома и кончая выдѣлкой мыла и свѣчей. Сосѣди-баквены охотно помогали имъ въ работѣ, но Ливингстонъ и

его жена дѣлали для нихъ еще больше, такъ какъ они все умѣли дѣлать, а туземцы почти ничего не умѣли и за всѣмъ шли къ Ливингстону. Послѣ обѣда былъ часъ отдыха, а затѣмъ Ливингстонъ опять принимался за свои работы, а его жена шла въ школу для маленькихъ дѣтей — ихъ собиралось больше сотни, а раньше они оставались безъ всякаго призора, пока ихъ отцы и матери работали

въ полѣ. Жена Ливингстона учила дѣтей шитью. Вечеромъ Ливингстонъ гулялъ по деревнѣ и бесѣдовалъ со всѣми, кто хотѣлъ, лечилъ больныхъ, навѣщалъ бѣдныхъ и убогихъ. Онъ помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ и для всякаго у него находилось ласковое слово. „Не слѣдуетъ пренебрегать довѣріемъ никакого презрѣннаго существа, если его можно достигнуть ласкою и добромъ“,—таково было его

правило. Три раза въ недѣлю Ливингстонъ устраивалъ службу въ церкви, то-есть просто говорилъ поученіе или разсказывалъ что нибудь изъ библіи и показывалъ картины. Иногда его звали лечить больныхъ въ другія деревни къ туземцамъ-бечуанамъ и къ сосѣднимъ голландскимъ переселенцамъ— бурамъ.

Проповѣдуя христіанство, Ливингстонъ никогда не упрекалъ своихъ слуша-

телей за ихъ дикіе обычаи и избѣгалъ всякаго принужденія. Сечель, князь бакweновъ, скоро сдѣлался его горячимъ послѣдователемъ и возмущался тѣмъ, что остальные его соплеменники не склонны къ христіанской вѣрѣ. „Неужели вы думаете, что вы убѣдите этотъ народъ вашими краснорѣчивыми словами? Разрѣшите мнѣ только, я созову старшинъ, мы пустимъ въ дѣло нагайки, изъ носорожьей кожи, и

вы увидите, всѣ мигомъ повѣрятъ чему угодно!“ Ливингстонъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ даже не крестилъ самого главу, пока тотъ не сталъ христіаниномъ на дѣлѣ. Ливингстонъ не того добивался, чтобы африканцы стали христіанами, онъ хотѣлъ, чтобы они жили по-христіански. Наконецъ Сечель сталъ просить крестить его. На это Ливингстонъ сказалъ: „А какъ надо поступать, имѣя въ

рукахъ библію и умѣя читать въ ней?“ Сечель, вернувшись домой, тотчасъ отослалъ своихъ женъ къ ихъ роднымъ съ подарками и съ извиненіями, что онъ разстается съ женами не по ихъ винѣ, а потому, что хочетъ слѣдовать волѣ Божіей. Онъ оставилъ у себя одну только жену, по христіанскому обычаю. Тогда Ливингстонъ окрестилъ его. Но и въ этомъ онъ почти раскаялся, такъ какъ род-

ные отосланныхъ женъ и многіе другіе съ этихъ поръ сдѣлались противниками христіанской вѣры, и стало ходить меньше народа въ школу и въ церковь.

Къ довершенію несчастья, съ тѣхъ поръ, какъ Ливингстонъ поселился въ той мѣстности, тамъ наступила засуха. Туземцы были увѣрены, что это церковная служба отгоняетъ дождь. Однако на самого Ливингстона

никто не сердился—такъ онъ расположилъ всѣхъ къ себѣ. Его только кротко уговаривали, чтобы онъ пересталъ молиться и чтобы позволилъ Сечелю приворожить дождь. У всѣхъ тамошнихъ поселянъ было повѣрье, что глава племени можетъ приманить дождь на свое племя. Призывали и особыхъ дождевыхъ знахарей. Что было дѣлать? Ливингстонъ не терпѣлъ обмана, онъ не могъ посовѣтовать ново-

обращенному Сечелю заняться нелѣпымъ колдовствомъ, но не могъ онъ и убѣдить баквеновъ, что онъ не виноватъ: всѣ обстоятельства, какъ нарочно, складывались противъ него; часто за десять верстъ отъ ихъ села шелъ дождь, а у нихъ ни разу не выпадало ни капли. Ливингстонъ училъ баквеновъ бороться съ бѣдой разумными средствами. Въ первый же годъ онъ уговорилъ баквеновъ поселиться ближе

къ водѣ, устроить плотину и провести канавы на поля. Они послушались. Весь народъ переселился на берегъ рѣки Колобенга. Самому Ливингстону пришлось на новомъ мѣстѣ въ третій разъ строить домъ, церковь и школу. Два года дѣло шло хорошо, но засуха продолжалась. На третій годъ высохла и рѣка. Множество дохлой рыбы лежало и гнило на обнаженномъ днѣ. Гіены, стаями соби-

равшіяся отовсюду, не могли истребить ея. Огромный крокодилъ, засохшій, лежалъ въ затвердѣломъ илѣ. Жара была такъ сильна, что жукъ, положенный на поверхность земли подъ солнечными лучами, умиралъ въ нѣсколько секундъ. Одни муравьи бѣгали во множествѣ и грызли все. Ничего не родилось на поляхъ. Женщины продавали свои украшенія, чтобы купить хлѣба у дру-

гихъ племенъ. Дѣти собирали всякія луковицы и корни, годные въ пищу. Мужчины уходили на охоту къ ключамъ, у которыхъ собирались цѣлыми стадами дикіе буйволы, жирафы, зебры, газели, носороги, гонимые жаждой. Если бы не такое обиліе дикихъ звѣрей, то люди умирали бы съ голода. Засуха кончилась только на пятый годъ.

Баквены чрезвычайно уважали Ливингстона и

слушались его разумныхъ словъ. Не разъ, а цѣлыхъ пять разъ ему удалось отговорить ихъ отъ войны съ сосѣдними племенами. Ливингстонъ училъ туземцевъ не только христіанской вѣрѣ и доброму поведенію, но и всему, что полезно въ жизни: грамотѣ, садоводству, ремесламъ. Ливингстонъ не забывалъ ничего, что могло принести пользу: туземцы полюбили картины — онъ выписалъ волшебный фо-

нарь; туземцевъ одолѣвали мыши—онъ выписалъ кошекъ. Ливингстонъ устраивалъ туземцамъ сношенія съ англійскими купцами, и, благодаря ему, они получали европейскіе товары. Туземцы сами видѣли, насколько имъ стало лучше жить съ тѣхъ поръ, какъ Ливингстонъ поселился съ ними.

Мало по малу Ливингстонъ увидѣлъ, что въ Африкѣ есть дѣло гораздо важнѣе и полезнѣе миссіо-

нерской проповѣди. Когда онъ поселился среди баквеновъ, туда стали ѣздить изрѣдка англійскіе путешественники и купцы. Торгуя съ ними, туземцы пріобрѣтали полезныя вещи, да при этомъ незамѣтно для себя перенимали европейскіе обычаи и полезныя знанія. Просвѣщеніе распространяется путемъ торговли быстрѣе и легче, чѣмъ путемъ проповѣди миссіонеровъ. Между тѣмъ неда-

леко оттуда на сѣверѣ, внутри Африки, были страны, куда никогда не ступала нога бѣлаго человѣка. Тамъ жили многолюдныя племена въ своей первобытной дикости. Ливингстонъ задумалъ открыть дорогу въ эти страны. Онъ зналъ, что стоитъ только показать эту дорогу, какъ туда явятся и миссіонеры, и торговля, и просвѣщеніе.

И вотъ на десятый годъ своей жизни въ Африкѣ

Ливингстонъ предпринялъ свое первое большое путешествіе на сѣверъ, черезъ пустыню Калагари, къ озеру Нгами. Близъ этого озера за много лѣтъ передъ тѣмъ поселились макололы, народъ того же бечуанскаго племени, какъ и баквены. Ихъ князь Себитуанъ когда то помогъ Сечелю утвердиться княземъ надъ баквенами, послѣ смерти его отца.

Пустыня Калагари почти безводна. Одни буш-

мены, разсѣянные среди нея, умѣютъ находить воду, высасывая ее изъ земли длинными тростниками въ мѣстахъ, извѣстныхъ имъ однимъ. Только въ дождливые годы пустыня покрывается травами, и на ней повсюду выростаетъ множество арбузовъ; ими утоляютъ жажду и животныя, и люди. Ни одному европейскому путешественнику не удавалось до тѣхъ поръ перейти черезъ пустыню. Сами тузем-

ные жители, услышавъ о замыслѣ Ливингстона приходили въ ужасъ. Однако, когда Ливингстонъ переговорилъ объ этомъ съ Сечелемъ, тотъ нашелъ это дѣло разумнымъ и даже очень выгоднымъ для своего племени. Онъ обѣщалъ дать Ливингстону проводниковъ съ тѣмъ, чтобы Ливингстонъ позволилъ имъ накупить въ странахъ у озера Нгами слоновой кости и привезти ее въ его телѣгѣ. Сечель

даже самъ хотѣлъ сопровождать Ливингстона.

Пустыня Калагари не совсѣмъ необитаема. Тамъ водится множество дикихъ животныхъ, тамъ живутъ не одни бродячіе охотники-бушмены, а цѣлыя племена бечуановъ, скрывшіяся въ пустыню отъ другихъ воинственныхъ племенъ. Въ пустынѣ, въ укромныхъ мѣстахъ, возлѣ колодцевъ, скрываются цѣлыя деревни. Ихъ жители держатъ скотъ и

даже занимаются земледѣліемъ. Люди знающіе мѣстность и знакомые съ жителями, повидимому, безъ особеннаго труда переходили черезъ пустыню. По крайней мѣрѣ, пока Ливингстонъ собирался итти къ озеру Нгами, тамошніе жители ужъ узнали объ этомъ, и однажды къ нему явились оттуда нѣсколько человѣкъ и сказали, что ихъ князь Лекуталебъ послалъ ихъ звать Ливингстона въ

свою страну. Они разсказали, что у нихъ на родинѣ множество слоновой кости, такъ что у бакве-новъ, проводниковъ Ливингстона, разгорѣлись глаза. По счастливой случайности, въ то же время двое богатыхъ англичанъ пріѣхали въ южную Африку охотиться на слоновъ. Они присоединились къ Ливингстону, а одинъ изъ нихъ, Освель, взялъ на себя всѣ расходы.

1 іюня 1849 года кара-

ванъ путешественниковъ двинулся на сѣверъ, въ невѣдомыя страны, черезъ пустыню. Передъ ними разстилалась равнина, покрытая бѣлымъ сыпучимъ пескомъ, въ которомъ колеса телѣгъ вязли по самую ступицу. Кое гдѣ виднѣлись кучки деревьевъ и кустовъ съ лиловыми цвѣточками и стручковыми плодами, изъ породы акацій; они были до такой степени похожи одна на другую, что мѣстность

казалась крайне однообразной. Даже знающіе проводники, отойдя за нѣсколько верстъ отъ лагеря, сбивались съ дороги. Разъ такъ и заблудились два охотника англичанина. Уйдя на охоту съ проводникомъ, они проблуждали цѣлую ночь. Проводникъ твердилъ имъ: „кіа тимела“ (я заблудился), а они, плохо зная языкъ, думали, что онъ говоритъ: „кіа итумела“ (очень радъ). Усталые охотники

выходили изъ себя и чуть не побили проводника, да во время разсудили, что тогда онъ убѣжитъ и оставитъ ихъ совсѣмъ однихъ. Дорогой было немало приключеній. Два англичана совершали подвиги на охотѣ, а туземцы диву давались, зачѣмъ эти люди пріѣхали на край свѣта и умариваются, гоняясь за тощими дикими козами, когда у нихъ дома вдоволь жирной говядины. Но тѣ же туземцы ни

мало не удивлялись тому, что Ливингстонъ идетъ черезъ пустыню безъ всякой выгоды для себя. Имъ было вполнѣ понятно, что онъ по своей добротѣ къ черным людямъ, хочетъ открыть дорогу, по которой къ нимъ будутъ ходить купцы. Зато другіе этого-то и не хотѣли. Такъ сосѣдній бечуанскій князь Секоми разсылалъ повсюду своихъ людей и велѣлъ имъ объявлять, что англичане идутъ

грабить, и чтобы никто не смѣлъ показывать имъ дорогу и колодцы; такъ что жители пустыни сначала встрѣчали путешественниковъ со страхомъ, а потомъ, познакомившись съ ними, бранили тѣхъ, кто ихъ оклеветалъ. Случилось, что одинъ изъ посланныхъ лжецовъ заболѣлъ лихорадкой и умеръ. Тогда всѣ стали говорить, что это судьба наказала его за то, что онъ хотѣлъ погубить добрыхъ людей.

Караванъ добрался черезъ пустыню до населеннаго берега рѣки Зоуги и, идя вдоль рѣки, достигъ озера Нгами ровно черезъ мѣсяцъ послѣ начала путешествія. Но Ливингстону не удалось дойти до своей главной цѣли, до страны макололовъ. Лекуталебъ, тотъ самый князь, который звалъ Ливингстона къ себѣ, ни за что не хотѣлъ, чтобы Ливингстонъ шелъ дальше. Онъ, какъ и Секоми, хотѣлъ, чтобы

англичане вели торговлю съ нимъ однимъ, а къ другимъ чтобъ и дороги не знали. Кромѣ того, онъ боялся, что макололы впослѣдствіи будутъ покупать у англичанъ ружья и станутъ сильнѣе его. Лекуталебъ запретилъ своимъ подданнымъ давать Ливингстону лодки и перевозить его черезъ рѣку. Напрасно Ливингстонъ усовѣщивалъ его и увѣрялъ, что онъ пришелъ примирить всѣ племена, а не по-

могать въ войнѣ одному противъ другого; Лекуталебъ обѣщалъ и лодки, и проводниковъ, но каждый разъ обманывалъ. Ливингстонъ принялся было самъ строить плоты на рѣкѣ, но не нашелъ годнаго дерева. Пришлось вернуться той же дорогой домой.

Но на слѣдующую же весну Ливингстонъ опять отправился въ путь. На этотъ разъ онъ взялъ съ собою жену и двухъ дѣтей. Въ это время къ

озеру Нгами ужъ ѣздили англійскіе купцы по открытой имъ дорогѣ. Ливингстонъ благополучно достигъ озера, и на этотъ разъ несговорчивый Лекуталебъ, получивъ отъ Ливингстона въ подарокъ англійское ружье, согласился переправить его въ страну макололовъ. Но въ это время сынъ и дочь Ливингстона и всѣ слуги заболѣли лихорадкой. Пришлось увезти ихъ изъ не-

здоровой мѣстности и самому вернуться домой.

Ливингстонъ снова собрался въ путь, въ третій разъ, въ началѣ 1851 года со всей семьей. Себитуанъ, князь макололовъ тоже узналъ объ его намѣреніи и очень хотѣлъ его видѣть. Онъ разослалъ подарки сосѣднимъ князьямъ, чтобы они помогли Ливингстону въ путешествіи: Сечелю 13 черныхъ коровъ, Секоми 13 бѣлыхъ и Лекуталебу 13 бу-

рыхъ. Съ Лявингстономъ опять путешествовалъ Освель; къ этому времени онъ заслужилъ себѣ уваженіе среди туземцевъ и славу безстрашнаго охотника на слоновъ. Туземцы говорили Ливингстону: „Если бы вы не были миссіонеромъ, вы были бы непремѣнно такимъ же, какъ Освель, вы также ходили бы на слоновъ безъ собакъ“.

На этотъ разъ Ливингстонъ пошелъ въ страну

макололовъ прямой дорогой черезъ безводную пустыню, не заходя къ берегамъ озера Нгами. Тутъ путешественники едва не погибли отъ жажды. Проводникъ-бушменъ заблудился и четыре дня не могъ найти дороги, а потомъ и самъ пропалъ. Пошли одни безъ проводника, а между тѣмъ запасы воды вышли. Вечеромъ напоили однихъ дѣтей, а на утро оставалось воды въ кувшинахъ всего нѣсколько капель...

Наконецъ, на пятый день послѣ обѣда, развѣдчики, посланные во всѣ стороны, вернулись съ водой. Возвратился и проводникъ. Онъ разыскалъ вблизи деревню и привелъ оттуда людей.

На другой день караванъ вышелъ изъ пустыни въ лѣсистую мѣстность, прорѣзанную рѣками и принадлежавшую къ землѣ макололовъ. Опасности кончились, и путешественники страдали

только отъ комаровъ и мошекъ—ихъ здѣсь было множество. Чтобы спастись отъ нихъ, жители строили хижины на высокихъ столбахъ, а подъ ними жгли костры и постоянно обкуривали себя дымомъ. Ужасныя мухи цеце перекусали быковъ, везшихъ телѣги, и впослѣдствіи всѣ эти быки заболѣли и подохли. Ядъ мухи цеце не вредитъ людямъ, осламъ и козамъ, но коровы и лошади мрутъ

отъ него, какъ отъ чумы. На берегу рѣки Чоба Ливингстона ожидали макололы, а самъ Себитуанъ былъ на островѣ за тридцать верстъ оттуда. Ливингстонъ и Освель тотчасъ отправились къ нему въ лодкѣ. Себитуанъ встрѣтилъ ихъ просто и радушно. На другое утро онъ пришелъ еще до свѣта, усѣлся у огня передъ палаткой и долго разсказывалъ, какъ онъ самъ странствовалъ въ молодости.

Себитуанъ когда-то жилъ со своимъ племенемъ вблизи Керемена, по ту сторону пустыни, но его вытѣснили оттуда кафры. Какой-то пророкъ направилъ его въ страну черныхъ негровъ, какъ въ обѣтованную землю, и завѣщалъ ему покорить эту страну, но не убивать жителей, а присоединить ихъ къ своему племени. Себитуанъ исполнилъ пророчество, какъ по писанному. Онъ перебрался че-

резъ пустыню, поселился у озера и покорилъ сосѣднія племена негровъ-охотниковъ за черепами, которые украшали свои жилища отрубленными головами чужестранцевъ. Себитуанъ водворилъ миръ и безопасность во всей окрестной странѣ и разставилъ охранную стражу по берегамъ рѣки Замбези. Онъ охотно допускалъ въ свою страну чужестранцевъ, не разбирая, кто они. Иной разъ

въ городъ приходилъ съ дешевымъ товаромъ какой нибудь бѣднякъ изъ чужого племени. Вечеромъ, когда всѣ садились ужинать у своихъ костровъ, Себитуанъ подходилъ къ огню этихъ бѣдняковъ, приказывалъ подать имъ мяса, молока, меда, угощалъ ихъ, отвѣдывая и самъ, и ласково бесѣдовалъ съ ними. Ни одинъ чужестранецъ не уходилъ отъ Себитуана безъ подарка, и объ его добротѣ

разсказывали въ далекихъ странахъ. Себитуанъ давно хотѣлъ завести торговлю съ португальскими городами. Разъ онъ собрался было туда, но его караванъ чуть не погибъ въ пустынѣ и ему пришлось вернуться назадъ.

Таковъ былъ Себитуанъ. Онъ всю свою жизнь воевалъ поневолѣ, но въ душѣ онъ былъ человѣкъ мира. Къ сожалѣнію, вскорѣ послѣ пріѣзда Ливингстона Себитуанъ заболѣлъ

отъ прежней раны. Ливингстонъ зашелъ навѣстить его вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ сыномъ Робертомъ.

— Подойди поближе, сказалъ Себитуанъ, — и посмотри на меня: я сталъ не похожъ на человѣка, мнѣ пришелъ конецъ.

Ливингстонъ, въ утѣшеніе ему, сказалъ нѣсколько словъ о будущей жизни. Когда онъ сталъ прощаться, Себитуанъ позвалъ слугу и сказалъ ему:

— Сведи Роберта къ Маунку (женѣ Себитуана) и скажи ей, чтобы она дала ему молока.

То были послѣдніе слова Себитуана. Онъ умеръ въ тотъ же день. Послѣ похоронъ макололы просили Ливингстона быть такимъ же другомъ дѣтямъ Себитуана, какъ онъ былъ другомъ ему самому. Себитуанъ завѣщалъ власть своей дочери съ тѣмъ, чтобы она не выходила замужъ. Новая княгиня,

по имени Мамокизанъ, предложила Ливингстону осмотрѣть всю ихъ страну и выбрать любое мѣсто, если онъ захочетъ поселиться у нихъ. Ливингстонъ и Освель сдѣлали небольшое путешествіе по странѣ макололовъ и при этомъ открыли рѣку Замбези: до тѣхъ поръ никто не зналъ, что Замбези начинается такъ далеко отъ берега.

Во время путешествія Ливингстонъ узналъ одну

вещь, которая возмутила всю его душу и заставила его оставить миссiонерство и приняться за новое дѣло. Давно ужъ приходили въ страну макололовъ купцы изъ племени негровъ мамбари. Они пытались покупать у макололовъ мальчиковъ съ тѣмъ, чтобы потомъ перепродать ихъ въ рабы. Сначала Себитуанъ строго запрещалъ продавать людей изъ своей страны. Но за годъ передъ тѣмъ мамбари при-

несли восемь ружей и требовали за каждое ружье по мальчику. Напрасно Себитуанъ предлагалъ имъ за ружья и скотъ, и слоновую кость — купцы не хотѣли ничего, кромѣ рабовъ. Долго толковали между собой макололы; до тѣхъ поръ они не слыхали о торговлѣ людьми и не знали, худо это или хорошо, хотя совѣсть говорила имъ, что это худо. Но очень ужъ хотѣлось имъ ружей, чтобы имѣть

защиту и отъ звѣрей, и отъ злыхъ сосѣдей. Скрѣпя сердце, они отняли восемь несчастныхъ дѣтей у покоренныхъ ими негровъ и отдали работорговцамъ за ружья. А лиха бѣда начало было сдѣлано, дальше дѣло пошло само собою: стали мѣнять дѣтей на цвѣтныя платья. До пріѣзда Ливингстона было ужъ продано до двухъ сотенъ рабовъ. Купцы мамбари подговаривали макололовъ нападать на сосѣд-

нія племена и давали имъ для этого ружья съ тѣмъ, чтобы макололы отдавали имъ плѣнниковъ, а себѣ брали ограбленный скотъ. Такъ развращали ихъ работорговцы. Ливингстонъ былъ страшно огорченъ: если бы онъ пріѣхалъ къ макололамъ однимъ годомъ раньше, онъ помѣшалъ бы совершиться этому ужасному злу.

Ливингстонъ рѣшился поселиться у макололовъ и постараться уничтожить

среди нихъ разбойничьи набѣги для захвата плѣнниковъ и торговлю рабами. Но скоро онъ увидѣлъ, что этого мало. Макололы соглашались на его убѣжденія, но и имъ, и другимъ племенамъ нужны были европейскіе товары и особенно ружья, а купцы требовали въ обмѣнъ рабовъ, по той простой причинѣ, что рабы — товаръ выгодный и самый удобный: они идутъ на своихъ собственныхъ ногахъ, да

еще могутъ нести другіе товары, какъ, напримѣръ, слоновую кость. Ливингстонъ задумалъ открыть для всѣхъ племенъ безопасную дорогу въ португальскія владѣнія, такъ чтобы туземцы могли сами возить туда на продажу слоновую кость и другіе товары и покупать на нихъ все, что имъ нужно, не прибѣгая къ купцамъ-работорговцамъ. Онъ задумалъ примирить между собой разныя племена отъ

средины Африки до берега, и уговорить ихъ начальниковъ, чтобы они пропускали через свои земли мирныхъ торговцевъ.

Собираясь въ дальнее и опасное путешествіе, Ливингстонъ не рѣшился оставлять свою семью въ странѣ макололовъ. Тамъ здоровыя, сухія мѣстности были не безопасны отъ нападеній другихъ племенъ, а въ безопасныхъ мѣстностяхъ, на берегахъ

рѣкъ, свирѣпствовала лихорадка. Онъ возвратился съ женой и дѣтьми въ англійскія владѣнія, въ Капштадтѣ, а оттуда отправилъ ихъ на кораблѣ въ Англію. Въ англійскихъ миссіяхъ въ то время было тоже не безопасно. Буры, только что отвоевавшіе себѣ независимость, дѣйствовали противъ англичанъ и стращали туземцевъ. На пути Ливингстонъ остановился у своего тестя, въ Керменѣ,

а въ это самое время буры потребовали отъ его прежняго друга Сечеля, чтобы онъ подчинился ихъ власти и далъ обязательство не пропускать англичанъ черезъ свою землю. Сечель не согласился отказаться отъ своихъ друзей-англичанъ. Тогда буры напали на его селеніе, увели скотъ и захватили въ плѣнъ множество людей, въ томъ числѣ 200 дѣтей, учившихся въ школѣ Ливингстона. Бак-

вены защищались отчаянно; ихъ было убито 60 человѣкъ, а буровъ 28. Такая большая потеря вскорѣ заставила буровъ заключить миръ съ Сечелемъ, такъ что ихъ жестокій поступокъ оказался безполезнымъ. При нападеніи буровъ погибло все имущество Ливингстона.

Ливингстонъ вернулся въ страну макололовъ. Они ужасно обрадовались ему. Къ тому времени дочь Себитуана уступила

власть надъ макололамн своему восемнадцатилѣтнему брату Секелету. Новый молодой князь принялъ Ливингстона съ величайшимъ уваженіемъ и велѣлъ оказывать ему такія же почести, какъ себѣ самому. Когда Ливингстонъ въѣзжалъ въ деревню, передъ нимъ глашатай кричалъ: „Вотъ идетъ господинъ великій левъ!" Секелету научился отъ Ливингстона пить кофе съ сахаромъ и призна-

вался, что этимъ Ливингстонъ нашелъ путь къ его сердцу. Народъ повсюду встрѣчалъ Ливингстона съ радостью, зная, что онъ человѣкъ мира и другъ черныхъ людей. Макололы были разумный народъ, но обычаи у нихъ были дикіе, потому что некому было ихъ научить. Такъ, напримѣръ, у нихъ былъ обычай за всякіе крупные проступки топить виновнаго въ рѣкѣ. При Ливингстонѣ одинъ туземецъ

обокралъ чужеземнаго купца; его уличили, но украденныхъ вещей у него ужъ не было. Спросили совѣта у Ливингстона. Ливингстонъ заплатилъ купцу за украденныя вещи, а вора заставилъ отработывать у себя въ саду. Съ тѣхъ поръ маколоды завели обычай брать съ воровъ штрафъ или заставлять ихъ отработывать на полѣ.

Работорговцы, на этотъ разъ, лишь только услы-

шали о пріѣздѣ Ливингстона, поспѣшили убраться подальше. Секелету также сдѣлался врагомъ работорговцевъ и похитителей людей-мамбари. Разъ даже онъ хотѣлъ было напасть на ихъ ватагу и отбить у нихъ захваченныхъ ими невольниковъ. Но у работорговцевъ было сорокъ ружей, и Ливингстонъ уговорилъ Секелету не начинать битвы, такъ какъ она была бы слишкомъ кровопролитна. Раз-

бойники на этотъ разъ ушли невредимыми съ своей добычей. Секелету запретилъ во всѣхъ подвластныхъ ему странахъ продавать рабовъ и дѣтей купцамъ.

Вскорѣ Ливингстонъ объявилъ макололамъ свой замыселъ—открыть дорогу къ западному берегу Африки, въ португальскія владѣнія. Собрали сходъ. Одинъ туземный пророкъ возставалъ противъ Ливингстона, говоря: „Куда

онъ хочетъ вести васъ? Онъ васъ погубитъ! Ваша одежда уже пахнетъ кровью!“ Но большинство макололовъ стояло за Ливингстона, понимая, что онъ старается для ихъ пользы. Ему отрядили въ помощь 27 человѣкъ. Ливингстонъ рѣшилъ плыть вверхъ по Замбези на лодкахъ, а затѣмъ итти сухимъ путемъ. Онъ взялъ въ дорогу библію, морской календарь, логарифмы да астрономическіе

инструменты, чтобы опредѣлять положеніе мѣста по звѣздамъ. Онъ научился этому въ свою послѣднюю поѣздку въ Капскую землю у астронома Маклира. Еще захватилъ онъ съ собой волшебный фонарь съ картинами. Этотъ фонарь впослѣдствіи помогъ ему пріобрѣсти дружбу многихъ племенъ, черезъ которыя приходилось проходить. Вмѣсто денегъ Ливингстонъ захватилъ съ собой двадцать фунтовъ

бусъ, всего рублей на пятнадцать, да еще бритвъ и металлическихъ ложекъ для подарковъ. Такъ запасся Ливингстонъ, собираясь пройти половину Африки. Изъ провизіи было взято достаточное количество чая и кофе да немного сухарей; остальное Ливингстонъ надѣялся добыть въ населенныхъ мѣстахъ отъ доброты туземцевъ, а въ пустынѣ— ружьемъ. Макололы везли съ собой слоновую кость

для продажи въ португальскихъ владѣніяхъ. Тронулись въ путь 11 ноября 1853 года.

Пока Ливингстонъ шелъ черезъ страны, подчиненныя власти Секелету, онъ и его спутники не нуждались ни въ чемъ. Ихъ всюду встрѣчали радушно, а начальники деревень щедро надѣляли пищей и дарили столько быковъ, что Ливингстону пришлось раздѣлить свой караванъ и отправить одну поло-

вину по сухому пути вдоль берега. На границѣ земли макололовъ Ливингстонъ освободилъ 19 невольниковъ, недавно захваченныхъ макололами у сосѣдняго племени, и отослалъ ихъ по домамъ. Захватившій ихъ въ плѣнъ макололькій старшина, выслушавъ увѣщанія Ливингстона, собралъ народный сходъ и высказалъ передъ всѣми раскаяніе въ своемъ поступкѣ.

Затѣмъ, 17 декабря

Ливингстонъ вступилъ въ мѣстность пустынную, почти ненаселенную, но покрытую, послѣ дождей, прелестными лугами и зеленѣющимидеревьями. Онъ все время двигался вверхъ по теченію Замбези. 6 января пришли въ страну негровъ балонда. Хотя это племя враждовало съ макололами, но Ливингстонъ съумѣлъ поладить съ ними. Какъ и у макололовъ, у нихъ въ каждомъ селеніи былъ

свой глава, между главами были мужчины, были и женщины, а мужья ихъ были у нихъ въ подчиненіи. Начальники селеній были въ родствѣ другъ съ другомъ, и это облегчало переговоры. Первая правительница Ніамоана охотно согласилась на предложеніе Ливингстона—вести дружбу и торговлю съ макололами. Другая правительница, ея дочь Маненко, проводила Ливингстона къ своему дядѣ

Шинту. Черная красавица, совершенно голая, но напудренная съ ногъ до головы красной охрой, быстро шагала подъ проливнымъ дождемъ, такъ что Ливингстонъ едва поспѣвалъ за ней, сидя на быкѣ. Онъ спрашивалъ: отчего она не покроется чѣмъ нибудь отъ дождя. „Княгинѣ неприлично казаться бабой“, отвѣчала она. Наоборотъ, ея мужъ ходилъ въ платьѣ съ длиннымъ шлейфомъ, такъ что

его носилъ за нимъ мальчикъ, и былъ увѣшанъ бусами и браслетами на ногахъ. Шинтъ принялъ Ливингстона, сидя подъ смоковницей на тронѣ, покрытомъ шкурой леопарда, окруженный тремя стами воиновъ и сотнями народа. Онъ также одобрилъ предпріятіе Ливингстона и далъ ему припасовъ и провожатыхъ. Въ селеніи Шинта Ливингстонъ въ первый разъ встрѣтилъ караванъ негроторговцевъ и

увидѣлъ скованныхъ рабовъ, но несмотря на свое отвращеніе, обошелся съ купцами вѣжливо. Здѣсь рабство было уже въ обычаѣ; самъ Шинтъ навязывалъ Ливингстону въ подарокъ десятилѣтнюю дѣвочку, и удивлялся, почему онъ отказывается отъ даровой прислуги. Ливингстонъ долго объяснялъ Шинту вредъ и безчеловѣчность рабства и торговли людьми. Въ селеніи Шинта Ливингстонъ про-

болѣлъ нѣсколько дней лихорадкой да и погода испортилась: дождь лилъ, какъ изъ ведра, почти не переставая, такъ что нельзя было двинуться въ путь. Тѣмъ временемъ Ливингстонъ по вечерамъ показывалъ и объяснялъ народу картины изъ священной исторіи съ волшебнымъ фонаремъ. На первый разъ всѣ женщины разбѣжались съ крикомъ и суматохой, когда Ливингстонъ сталъ выдерги-

вать картину, и изображенiе Авраама съ ножомъ быстро двинулось по стѣнѣ въ ихъ сторону. Потомъ народъ приходилъ издалека на эти бесѣды. Въ странѣ балондовъ Ливингстонъ въ первый разъ увидѣлъ идола— деревянный чурбанъ съ вырѣзанной на концѣ человѣческой головой. Черезъ страну балондовъ Ливингстонъ шествовалъ по сухому пути, то верхомъ на быкѣ, то пѣшкомъ. Во

владѣніяхъ Шинта жители доставляли Ливингстону достаточно съѣстныхъ припасовъ, а на дальнѣйшемъ пути его спутники макололо простона-просто просили милостыню по деревнямъ: „Мы пришли издалека и голодны, дайте намъ чего нибудь поѣсть“. Почти всегда имъ присылали муки изъ тертаго корня маніока, бобовъ, маиса; а Ливингстонъ, въ благодарность, дарилъ деревен-

скимъ начальникамъ бритвы и ложки. Князь этой страны Катема принялъ Ливингстона такъ же радушно, какъ и Шинтъ. 20 февраля Ливингстонъ вышелъ оттуда и достигъ озера Дилоло.

Уже немного оставалось до португальскихъ владѣній, но итти было все труднѣе: дожди размыли всѣ дороги въ грязь, а начальники племенъ оказались злыми и корыстными. Привыкнувъ полу-

чать отъ торговцевъ рабами цѣнные подарки, они требовали того же и отъ Ливингстона. Первому изъ нихъ, Катенду, Ливингстонъ отдалъ свою рубашку, но обѣщалъ разсказать всѣмъ объ его жадности; однако, тотъ рубашку все-таки взялъ. Со вторымъ, Иджамби, чуть не вышло драки: онъ пришелъ со множествомъ вооруженныхъ людей, всѣ они съ крикомъ и угрозами требовали подарковъ,

и что имъ ни давали, все имъ казалось мало. Наконецъ Ливингстонъ спокойно и твердо объявилъ, что онъ не начнетъ драки, но если тѣ начнутъ, то они сами будутъ виноваты. Между тѣмъ, его макололы окружили старшинъ. Тѣ тотчасъ сбавили тонъ и уже гораздо вѣжливѣе стали просить подарить имъ быка въ знакъ дружбы, а сами обѣщали дать все, чего Ливингстонъ пожелаетъ. По совѣту своихъ

людей, Ливингстонъ отдалъ быка и попросилъ съѣстныхъ припасовъ. Ихъ дали, но очень немного. То же было и дальше чуть не каждый день. У Ливингстона осталось всего четыре быка. Маколоды, спутники Ливингстона, охраняли его всѣми силами; на ночь они огораживали его палатку частоколомъ и караулили. Разъ, наконецъ, послѣ цѣлаго дня бурныхъ переговоровъ съ туземцами, нѣкоторые изъ макололовъ ста-

ли громко говорить, что такъ нельзя итти дальше, а надо вернуться домой. Ливингстонъ долго и горячо убѣждалъ ихъ потерпѣть еще немного: уже недалеко было идти. Но маколоды совсѣмъ истомились и упали духомъ. Тогда Ливингстонъ объявилъ, что если они вернутся, онъ пойдетъ дальше одинъ, и ушелъ въ палатку искать утѣшенія въ молитвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ его

спутниковъ заглянулъ въ палатку.

— Не огорчайся,—сказалъ онъ. — Мы никогда не оставимъ тебя и пойдемъ за тобой всюду, куда ты поведешь насъ!

То же подтвердили и другіе. Они извинялись въ томъ, что вышли изъ терпѣнія изъ-за нахальства и безчестности окрестныхъ дикарей и увѣряли, что они умрутъ, но не дадутъ Ливингстона въ обиду. На радости Ли-

вингстонъ разрѣшилъ своимъ голоднымъ товарищамъ зарѣзать быка. „Такъ (замѣчаетъ онъ) день столь печальный окончился пиромъ".

Въ этой мѣстности совсѣмъ не водилось крупныхъ животныхъ, ни домашнихъ, ни дикихъ; за отсутствіемъ другого мяса туземцы ставили въ лѣсахъ ловушки на мышей. Когда караванъ Ливингстона останавливался въ какой нибудь деревнѣ,—а

теперь при каждой остановкѣ они огараживались плетнемъ, — то женщины собирались толпой у входа съ ребятишками на спинѣ и съ длинной трубкой въ зубахъ и глазѣли по цѣлымъ часамъ, а мужчины проковыривали дырки въ изгороди и, насмотрѣвшись вдоволь, говорили: „Пойду скажу матери, пускай посмотритъ какіе быки у бѣлыхъ людей“. Народъ въ деревняхъ встрѣчалъ путешественниковъ добродуш-

но, вѣрнѣе сказать, равнодушно, и нѣсколько дней караванъ шелъ безъ всякихъ препятствій, только ѣсть было почти нечего: питались одной маніоковой мукой, а быковъ берегли на случай крайности; и все-таки пришлось одного убить на ѣду, такъ что быковъ осталось всего три. Явился еще одинъ туземный князекъ и потребовалъ подарка. Пришлось дать ему кусокъ мяса и нѣсколько мѣдныхъ ко-

лецъ. Но князь требовалъ красной куртки и человѣка, иначе грозилъ, что не пуститъ дальше. Тогда и. Ливингстонъ объявилъ, что онъ завтра же тронется въ путь, а кто вздумаетъ тронуть его людей, тотъ пусть послѣ пеняетъ на себя. На другой день караванъ отправился дальше, соблюдая осторожность, но никто не посмѣлъ напасть на нихъ. На слѣдующій день пришлось переправляться

черезъ рѣку. Начальникъ ближайшей деревни запретилъ своимъ неграмъ давать Ливингстону лодки и опять требовалъ обычной дани; у его воиновъ были ружья. Спутники Ливингстона не знали, что дѣлать. Вдругъ къ Ливингстону подошелъ человѣкъ въ европейской одеждѣ и посовѣтовалъ ему не обращать никакого вниманія на угрозы негровъ. Это былъ Ципріано, унтеръ-офицеръ

португальской пограничной стражи. Ливингстонъ и маколоды тотчасъ пошли за нимъ. Негры стрѣляли въ нихъ издали изъ ружей, но никого не ранили, а Ципріано мигомъ нашелъ лодочниковъ и тѣ за старое одѣяло, единственное оставшееся имущество Ливингстона, перевезли всѣхъ черезъ рѣку. А на томъ берегу были ужъ португальскія владѣнія.

Кончились опасности и нужда. Ципріано повелъ

Ливингстона въ свою хижину. Онъ и его товарища кормили Ливингстона и его отощавшихъ спутниковъ цѣлую недѣлю и дали имъ припасовъ на дорогу.

Три дня спустя Ливингстонъ съ своими вѣрными макололами пришелъ въ ближайшій португальскій городъ Кассанше. Платье Ливингстона такъ было отрепано, что его приняли за бродягу, и лишь только онъ показался въ городѣ,

у него спросили паспортъ и позвали въ полицію. Разумѣется, въ нѣсколько словъ дѣло объяснилось. Комендантъ города позвалъ Ливингстона къ себѣ ужинать, а другой офицеръ далъ ему квартиру въ своемъ домѣ и приличную одежду. Не забыли и макололовъ. Вскорѣ Ливингстонъ продалъ и промѣнялъ принесенную съ собой слоновую кость, и у макололовъ очутилось въ рукахъ столько

разныхъ товаровъ, сколько они и не видывали, а въ деньгахъ они все равно не знали толка. Макололы не знали, какъ выругать купцовъ, которые покупали у нихъ дома ту же слоновую кость за самую дешевую цѣну. Черезъ мѣсяцъ, 31 мая 1854 года, Ливингстонъ былъ ужъ въ Лоандѣ, главномъ городѣ португальскихъ владѣній на берегу Атлантическаго океана. Послѣ долгихъ лѣтъ

онъ опять увидѣлъ земляковъ — англичанъ, сталъ получать газеты и письма. Ливингстонъ добрелъ до Лоанды едва живымъ отъ лихорадки. Англійскій уполномоченный Габріель тотчасъ уложилъ его въ свою постель. Только черезъ недѣлю Ливингстонъ оправился настолько, что могъ выходить. Макололы сумѣли устроиться сами: они рубили дрова и продавали ихъ жителямъ города; потомъ Габріель

нанялъ ихъ разгружать англійское судно съ каменнымъ углемъ. Португальскій архіерей, исправлявшій въ Лоандѣ обязанность губернатора, заботился о Ливингстонѣ, милостиво принялъ его со всѣми его макололамм и разрѣшилъ макололамъ приходить торговать въ Лоанду, когда захотятъ. Архіерей вручилъ Ливингстону нѣсколько подарковъ для передачи Секелету и другимъ черным ъ князьямъ.

Англійскіе офицеры, бывшіе въ то время въ Лоандѣ, уговаривали Ливингстона немедля ѣхать въ Англію поправить свое здоровье. Ливингстону и самому хотѣлось повидать родину и семью. Но онъ считалъ своей обязанностью отвести мокололовъ на родину. Черезъ четыре мѣсяца онъ отправился въ обратный путь. Но, еще, не выходя изъ португальскихъ владѣній, Ливингстонъ и мно-

гіе изъ его спутниковъ заболѣли лихорадкой. Затѣмъ заболѣлъ хозяинъ дома, который пріютилъ Ливингстона во время болѣзни, и Ливингстонъ въ свою очередь остался ухаживать за нимъ, такъ что онъ двинулся въ дальнѣйшій путь только въ декабрѣ 1854 г. По дорогѣ было опять нѣсколько ссоръ съ жадными туземными князьями, которые хотѣли обобрать Ливингстона. Теперь Ливингстонъ кончалъ эти

ссоры тѣмъ, что садился на быка и приказывалъ своимъ спутникамъ итти дальше, не обращая никакого вниманія на угрозы.

Черезъ полгода странствованія по враждебнымъ мѣстамъ Ливингстонъ добрался до владѣній своего стараго знакомца Катема, а еще черезъ мѣсяцъ, въ началѣ августа, пришелъ въ страну макололовъ. Дорогой пришлось истратить на подарки и на плату за съѣст-

ные припасы почти всѣ товары, которые были куплены въ Лоандѣ, такъ что макололы вернулись домой почти ни съ чѣмъ. Тѣмъ не менѣе не было границъ радости всего народа и его благодарности къ Ливингстону. Для макололовъ словно открылся новый міръ. Макололы, ходившіе съ Ливингстономъ только и дѣлали что разсказывали своимъ землякамъ о томъ, какъ Ливингстонъ довелъ

ихъ до края свѣта, то - есть до берега океана, о томъ, какія чудеса они видѣли тамъ, и какъ дружелюбно съ ними обходились бѣлые люди. Общій восторгъ и изумленіе дошли до послѣднихъ предѣловъ, когда въ первое же воскресенье князь Секелету явился къ обѣднѣ въ мундирѣ полковника, а макололы, сопровождавшіе Ливингстона, тоже надѣли штаны и красныя шапки, подаренныя имъ пор-

тугальскимъ архіереемъ, пришли солдатскимъ шагомъ и стали въ рядъ съ ружьями на плечахъ. Всѣ маколоды только и мечтали о томъ, какъ бы побывать въ городахъ у бѣлыхъ людей. Секелету тотчасъ же сталъ готовить новый караванъ со слоновой костью въ Лоанду.

Пора было и Ливингстону ѣхать въ Англію за женой и дѣтьми. Но онъ не пошелъ обратно въ Лоанду, на западный

берегъ Африки. Еще будучи въ Лоандѣ, онъ рѣшилъ не возвращаться туда, а пройти дальше на востокъ, на берегъ Индѣйскаго океана. Тамъ тоже были португальскія владѣнія, и Ливингстонъ хотѣлъ открыть туда такой же безопасный торговый путь, какъ и въ Лоанду.

Дѣло въ томъ, что путь въ Лоанду былъ не таковъ, какого хотѣлось Ливингстону. Тотъ путь велъ по тропинкамъ черезъ лѣ-

са и болота, зараженныя лихорадкой, а Ливингстонъ хотѣлъ найти такую дорогу, по которой бы можно было ѣхать на телѣгахъ; а еще больше ему хотѣлось найти какую-либо рѣку, по которой бы можно было проѣхать до океана на лодкахъ и на пароходахъ. Ливингстонъ рѣшилъ поискать, нѣтъ ли такого пути къ другому берегу Африки.

Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ довершить свое

предпріятіе и проложить прямую дорогу черезъ всю Африку, отъ одного океана до другого.

Это было великое и полезное дѣло, но въ тоже время очень трудное. Всякій другой на мѣстѣ Левингстона поскорѣе поѣхалъ бы въ Англію, чтобы тамъ запастись силами и средствами для новаго путешествія. Но въ Ливингстонѣ заговорила жилка путешественника — страсть къ открытіямъ.

Ему не терпѣлось: какъ можно откладывать, когда половина дѣла сдѣлана, половина пути пройдена! И вотъ Ливингстонъ не теряя времени, двинулся въ новое путешествіе, хотя у него не было никакихъ припасовъ. Къ счастію, еще во время путешествія Ливингстона въ Лоанду, его тесть Моффетъ прислалъ для него въ страну макололовъ коекакихъ необходимыхъ вещей, и онѣ бережно со-

хранялись до его возвращенія. Кромѣ того, Секелету и всѣ маколоды готовы были сдѣлать для Ливингстона все, что только могли.

Прежде всего Ливингстонъ направился къ водопадамъ на рѣкѣ Замбези; они находились еще во владѣніяхъ Секелету, и тотъ самъ отправился провожать къ нимъ Ливингстона.

То были знаменитые водопады Викторіи — ихъ

назвалъ такъ Ливингстонъ въ честь англійской королевы. Ливингстонъ первый изъ европейцевъ увидѣлъ ихъ. Широкая рѣка съ ревомъ падала въ пропасть и оттуда поднимались столбы брызгъ на такую высоту, что ихъ видно было за нѣсколько верстъ. Эта величавая картина была окружена роскошной рамкой изъ пальмъ и всевозможныхъ деревьевъ и растеній жаркихъ странъ. Окрестные жители на-

зывали водопады „шумящимъ дѣломъ“—„мози-оатунья“.

Ливингстонъ не столько любовался водопадами, сколько досадовалъ на нихъ: изъ-за нихъ нельзя было плавать по Замбези на лодкахъ.

Здѣсь Ливингстонъ простился съ Секелету и направился дальше на востокъ. Съ нимъ шло 114 человѣкъ макололовъ. Это путешествіе было гораздо легче, чѣмъ первое. Раз-

ныя племена и ихъ начальники принимали Ливингстона очень радушно, давали съѣстныхъ припасовъ и проводниковъ. Иные сначала боялись Ливингстона и его вооруженныхъ людей и сами выходили имъ на встрѣчу съ цѣлымъ войскомъ, но потомъ, поговоривъ съ Ливингстономъ, и узнавъ зачѣмъ онъ идетъ, становились его друзьями. Всѣмъ этимъ людямъ надоѣли междоусобные раздоры и

грабежи, и всѣ они желали мира. При остановкахъ къ Ливингстону приносили лѣчить дѣтей, а иные приходили къ нему искать суда и защиты. Въ этой странѣ было много небольшихъ деревень, но онѣ были разбросаны вдали одна отъ другой и скрывались между холмами, такъ что мѣстность казалась необитаемой. Повсюду водилось множество дикихъ животныхъ. Вотъ какъ Ливингстонъ описы-

ваетъ мѣстность у сліянія рѣки Кафу съ Замбези.

„Я поднялся на холмъ и долго наслаждался великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое открылось моимъ взорамъ. Невдалекѣ, внизу сверкала Кафу, струившаяся къ мѣсту сліянія по лѣсистой равнинѣ; по ту сторону Замбези тянулась длинная цѣпь горъ. Въ равнинѣ, разстилавшейся внизу, на мѣстахъ, гдѣ не было лѣсу, сотнями паслись буйволы и зебры;

между ними величественно выступали слоны, лишь изрѣдка двигая хоботомъ. Созерцая это зрѣлище, которому суждено вскорѣ исчезнуть, лишь только въ этой странѣ появятся ружья, я жалѣлъ, что не могъ снять его на фотографіи... Когда мы спустились въ долину, животныя вовсе не испугались нашего приближенія. Мы прошли на разстояніи сотни саженей отъ слоновъ, а они спокойно остава-

лись подъ деревьями и обмахивались ушами, какъ бы вовсе не замѣчая насъ. Множество животныхъ, окружавшихъ насъ, невольно заставляло насъ мысленно перенестись къ первымъ временамъ человѣческаго рода“.

Ливингстонъ и его спутники часто устраивали охоту, чтобы добыть мяса. На половинѣ дороги Ливингстонъ разстрѣлялъ всѣ пули и растопилъ свои оловянныя тарелки, чтобы

отлить новыя пули, а его спутники разъ всадили всѣ свои копья въ слона, а тотъ убѣжалъ съ ними, такъ что пришлось купить имъ въ сосѣднихъ деревняхъ новыя копья въ обмѣнъ за ситцевые платки Мѣстами шли ночью, чтобы спасти быковъ, которыхъ вели за собой. отъ укуса страшной мухи цеце.

Когда у Ливингстона и его спутниковъ было много мяса, послѣ удачной охоты, они дѣлились съ жителями,

а когда нечего было ѣсть жители дѣлились съ ними. Негритянкамъ очень нравилась пляска макололовъ. Когда спутники макололовъ приходили въ деревню, женщины говорили имъ: „Попляши за меня, а я намелю тебѣ муки“. Макололы говорили Ливингстону: „Посмотри, мы давно вышли изъ дому, а никто изъ насъ не похудѣлъ“. Князья и старшины присылали Ливингстону съѣстныхъ припасовъ

и, получая отъ него небольшіе подарки, какъ, напримѣръ, аршинъ краснаго сукна, не требовали большаго, а говорили: „Мы знаемъ, что не во внутреннихъ странахъ бѣлый человѣкъ имѣетъ свой товаръ“. Здѣсь у туземцевъ былъ обычай при встрѣчахъ, вмѣсто поклоновъ, ложиться на землю и валяться, какъ лошади.

Ливингстонъ шелъ на западъ по лѣвому берегу Замбези, направляясь къ

португальскому городу Тету. Городъ былъ показанъ на португальской картѣ на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу рѣки и, по разсчетамъ, до него было ужъ недалеко. Но Ливингстонъ встрѣтилъ одного негра, который бывалъ въ Тетѣ, и тотъ увѣрилъ Ливингстона, что Тетъ находится не на лѣвомъ, а на правомъ берегу рѣки: на картѣ была ошибка. Къ тому же, по близости жилъ негритянскій князь

Мпендъ, враждовавшій съ португальцами. Надо было скорѣй переправляться на другой берегъ. Но жители такъ боялись Мпенда, что не давали Ливингстону лодокъ. Ливингстонъ рѣшилъ идти къ самому Мпенду. На встрѣчу Ливингстону явилось цѣлое вооруженное войско. Негры кричали, махали чѣмъ то краснымъ и жгли огонь, чтобы отогнать „колдовство бѣлаго человѣка". Когда Ливингстонъ послалъ трехъ

человѣкъ въ деревню за съѣстными припасами имъ дали вмѣсто хлѣба мякины, а одинъ негръ все время ходилъ за ними и рычалъ имъ въ лицо, какъ левъ. Очевидно, негры боялись и въ то же время хотѣли напугать. Ливингстонъ велѣлъ макололамъ приготовиться къ защитѣ, а между тѣмъ послалъ Мпенду въ подарокъ кусокъ мяса. Черезъ нѣсколько времени Мпендъ прислалъ къ Ливингстону

двухъ стариковъ для переговоровъ. Ливингстонъ разсказалъ имъ, зачѣмъ онъ пришелъ, увѣрилъ ихъ, что онъ даже не португалецъ, а англичанинъ, и показалъ имъ свои волосы и кожу на груди. Негры не видывали англичанъ, но слыхали, что есть бѣлый народъ, который защищаетъ черныхъ людей; конечно, это они слышали про англичанъ, такъ какъ англичане въ то время мѣшали въ Афри-

кѣ торговлѣ рабами и отправляли освобожденныхъ рабовъ на родину. Старики ушли, а Мпендъ созвалъ своихъ старшинъ на совѣщаніе. Между тѣмъ Ливингстонъ опять послалъ человѣка въ деревню, чтобы онъ купилъ лодку для одного больного, котораго товарищамъ до сихъ поръ приходилось нести на носилкахъ. Лишь только Мпендъ узналъ объ этомъ, онъ воскликнулъ: „Этотъ бѣлый въ самомъ

дѣлѣ нашъ другъ, если онъ такъ заботится о простомъ негрѣ". Вслѣдъ затѣмъ Мпендъ велѣлъ перевезти Ливингстона и его спутниковъ на лодкахъ на другой берегъ Замбези и проводилъ его очень дружелюбно.

По другому берегу Замбези шли, по прежнему, благополучно. До города Тета оставалось идти дней десять. Была только иногда возня съ проводниками. Разъ Ливингстонъ догово-

рилъ туземца проводить его до слѣдующей деревни. Тотъ унесъ съ собой условленную плату—желѣзную мотыку, а потомъ вернулся и заявилъ, что жена не позволяетъ ему идти, и мотыки тоже не отдаетъ. Старшина деревни далъ Ливингстону другого проводника и подтвердилъ, что здѣсь дѣйствительно мужья подчиняются женамъ, а съ тещами разговариваютъ не иначе, какъ стоя на колѣняхъ.

Подъ конецъ у Ливингстона не осталось почти ничего, кромѣ слоновой кости, которую макололы несли на продажу. А тутъ какъ разъ жилъ негрскій князь, который имѣлъ обыкновеніе обирать путешественниковъ. Ливингстонъ шелъ съ своими людьми по лѣснымъ тропинкамъ, обходя деревни и скрываясь отъ жителей, хотя ихъ все-таки видѣли. Ливингстонъ и сотня его спутниковъ

въ послѣдніе дни питались одними грибами. Наконецъ, до города Тета осталось всего нѣсколько верстъ; но спутники Ливингстона были такъ утомлены, что Ливингстонъ остановился тутъ же ночевать, несмотря на опасность, а въ городъ отправилъ только нѣсколько человѣкъ съ письмомъ къ португальскимъ властямъ. Въ два часа ночи къ Ливингстону прибѣжали его люди въ испугѣ и ска-

зали, что къ нимъ идетъ вооруженный отрядъ. То былъ отрядъ португальскихъ солдатъ съ двумя офицерами, высланный изъ Тета для охраны Ливингстона. Въ то же утро Ливингстонъ прибылъ въ городъ.

Начальство и жители города встрѣтили Ливингстона такъ же радушно, какъ и въ Лоандѣ. Ливингстонъ пришелъ въ Тетъ въ мартѣ 1856 года. Его путешествіе по

негритянскимъ странамъ отъ водопадовъ Викторіи до Тета длилось около трехъ съ половиной мѣсяцевъ. Въ Тетѣ Ливингстонъ пробылъ почти два мѣсяца: время было дождливое и нездоровое, и Ливингстонъ сначала самъ заболѣлъ лихорадкой, а потомъ остался ухаживать за комендантомъ города маіоромъ Сикаромъ и его сыномъ, которые тоже заболѣли и долго непоправлялись.

Онъ выѣхалъ изъ Тета

внизъ по Замбези на нѣсколькихъ лодкахъ, взявъ съ собой только восемь человѣкъ изъ своихъ спутниковъ. Маіоръ Сикаръ далъ ему въ провожатые португальскаго офицера. Макололы надолго остались въ Тетѣ ждать возвращенія Ливингстона. Добрый комендантъ Сикаръ отвелъ имъ землю и далъ имъ сѣмянъ на посѣвъ; кромѣ того молодые макололы ходили на охоту, а пожилые ру-

били и продавали дрова, и всѣ могли прожить безбѣдно.

Черезъ полтора мѣсяца плаванія по Замбези Ливингстонъ прибылъ на берегъ Индѣйскаго океана, въ португальское селеніе Килиманъ. Оставалось только дождаться англійскаго корабля, чтобы ѣхать въ Англію. Вѣрные восьмеро макололовъ хотѣли всѣ ѣхать съ Ливингстономъ въ Англію, но онъ еще не зналъ, какъ онъ и

самъ доберется туда. Было рѣшено взять съ собой только одного изъ нихъ, Секвебу, который былъ всѣхъ разумнѣе и всѣхъ больше помогалъ Ливингстону въ пути. Просились и остальные, особенно одинъ.

— Ты умрешь, когда пріѣдешь въ холодную страну, говорилъ ему Ливингстонъ.

— Все равно, отвѣчалъ тотъ: —позволь мнѣ только умереть у твоихъ ногъ!

Черезъ шесть недѣль пришелъ англійскій корабль. Ливингстонъ отправилъ семерыхъ макололовъ въ Тетъ, а самъ съ Секвебу отправился на корабль на лодкѣ. Волненіе было сильное; волны такъ и перекатывались черезъ лодку. Бѣдный Секвебу спрашивалъ:

— Неужели это твоя дорога?

— Какъ видишь! отвѣчалъ Ливингстонъ.

На кораблѣ Секвебу

сталъ своимъ человѣкомъ и полюбился всѣмъ офицерамъ и матросамъ, но когда на пути пристали къ острову Маврикія, и Секвебу увидѣлъ тамъ пароходы, онъ сошелъ съ ума. Ливингстонъ хотѣлъ высадить его на берегъ, но Секвебу ни за что не хотѣлъ уйти съ корабля. Офицеры совѣтовали надѣть на него цѣпи, но Ливингстонъ не рѣшился обидѣть его этимъ. Вечеромъ Секвебу впалъ въ бѣшенство и бросился

въ воду. Пытались спасти его, но не нашли даже его тѣла.

Ливингстонъ пріѣхалъ въ Лондонъ 9 декабря 1856 г. Онъ увидѣлся съ женой и дѣтьми послѣ четырехлѣтней разлуки, увидѣлъ родной домъ, котораго не видалъ 16 лѣтъ. Ливингстонъ уѣхалъ изъ Англіи простымъ миссіонеромъ, какихъ много, а вернулся знаменитымъ путешественникомъ, котораго теперь зналъ весь

свѣтъ. Шутка ли? Ливингстонъ побывалъ въ такихъ странахъ которыхъ до него не видалъ ни одинъ европеецъ, онъ исходилъ половину Африки вдоль и поперекъ сначала съ юга на сѣверъ до середины, затѣмъ отъ середины на западъ до самаго края и наконецъ, съ запада на востокъ, отъ края до края, отъ океана Атлантическаго до океана Индѣйскаго. Онъ прошелъ 16.000 верстъ черезъ пустыни, дикіе лѣса,

болота, большею частью пѣшкомъ. Онъ открылъ поля, озера, рѣки, горы, водопады, животныхъ, растенія, племена и народы, города и населенныя мѣста, онъ точно вымѣрялъ разстоянія между ними по звѣздамъ съ помощью астрономическихъ инструментовъ и нанесъ ихъ на карту.

До Ливингстона внутренность Южной Африки на картахъ изображалась сплошнымъ бѣлымъ пят-

номъ, на которомъ ничего небыло обозначено, потому что никто не зналъ, что тамъ есть. И вотъ приходитъ Ливингстонъ и говоритъ, что на мѣстѣ этого бѣлаго пятна живутъ милліоны людей, намъ подобные, живутъ и ждутъ слова разума, мира и любви, ждутъ отъ насъ помощи и избавленія отъ своихъ страданій!

Лондонское географическое общество устроило Ливингстону торжествен-

ную встрѣчу въ особомъ засѣданіи. То же сдѣлало и миссіонерское общество. Англійская королева пожелала видѣть Ливингстона и милостиво бесѣдовала съ нимъ. Она долго смѣялась, когда Ливингстонъ разсказывалъ ей, какъ африканскіе князья спрашивали его, много ли у нея коровъ. Но самую дорогую и сердечную встрѣчу устроили Ливингстону его прежніе товарищи, рабочіе на фабрикѣ въ Глазго.

Одинъ богатый книгопродавецъ далъ Ливингстону большую сумму денегъ за позволеніе напечатать и продавать разсказы объ его путешествіяхъ. За описаніемъ этого разсказа Ливингстонъ и провелъ цѣлый годъ. Онъ говорилъ, что ему легче пройти еще разъ черезъ всю Африку, чѣмъ описать свое путешествіе. Книгу „Путешествія миссіонера по Африкѣ“ быстро раскупили, такъ что книгопро-

*

давецъ не только выручилъ съ избыткомъ свои расходы, но могъ еще удѣлить Ливингстону часть прибыли съ слѣдующаго изданія.

Ливингстонъ сразу сдѣлался богатъ и знаменитъ. Онъ могъ оставаться въ Англіи до конца жизни, наслаждаясь заслуженнымъ покоемъ, довольствомъ и славой. Но въ дальней Африкѣ въ Тетѣ ждала его сотня вѣрныхъ макололовъ, и

Ливингстонъ зналъ, что они будутъ ждать его, пока не умрутъ. Да и не за тѣмъ онъ странствовалъ по африканскимъ степямъ и болотамъ, чтобы потомъ разсказать о своемъ путешествіи, да тѣмъ и кончить. Нѣтъ, онъ хотѣлъ проложить безопасные пути для мирной и честной торговли, хотѣлъ уничтожить на этихъ путяхъ разбои и торговлю рабами, хотѣлъ, чтобы по этимъ путямъ вливался

въ темную Африку свѣтъ просвѣщенія. А кто же могъ это сдѣлать, какъ не онъ самъ!

Ливингстонъ опять вернулся въ Африку. Онъ взялъ съ собой жену и младшаго сына. На свои деньги онъ купилъ пароходъ, чтобы плавать по Замбези и мѣшать торговлѣ рабами. Англійское правительство послало съ Ливингстономъ другой пароходъ; на немъ отпра-

вились миссіонеры, ученые, чиновники, солдаты.

Въ маѣ 1858 г. два парохода плыли ужъ по Замбези, среди дикихъ береговъ, на которыхъ паслись стада буйволовъ и антилопъ. Въ Тетѣ Ливингстона встрѣтили его вѣрные макололи: они все время ждали его; но, къ его огорченію, 30 человѣкъ изъ нихъ за это время умерло отъ оспы.

Прежде чѣмъ двинуться съ ними на ихъ родину,

Ливингстону пришлось пробыть въ Тетѣ цѣлыхъ полтора года. Дѣло въ томъ, что дальше на Замбези были пороги, и неизвѣстно было, можно ли плыть черезъ нихъ на пароходѣ. Ливингстонъ отправился осмотрѣть эти пороги. Эго небольшое путешествіе оказалось такимъ труднымъ, что даже макололо оставили Ливингстона и вернулись назадъ, думая, что онъ сошелъ съ ума. Съ Ливингстономъ

остался только одинъ англичанинъ докторъ Киркъ да туземецъ-проводникъ. Однако, Ливингстонъ дошелъ до пороговъ и благополучно вернулся въ Тетъ. Ливингстонъ увидѣлъ, что на его пароходѣ нельзя переѣхать черезъ пороги. Онъ написалъ знакомымъ въ Англію, чтобы ему купили на его деньги и прислали другой пароходъ, а тѣмъ временемъ сдѣлалъ на старомъ пароходѣ три поѣздки весной

по рѣкѣ Ширé, впадающей въ Замбези, насколько могъ добраться на пароходѣ, а затѣмъ заходилъ вглубь страны по сухому пути.

Въ послѣднюю поѣздку онъ открылъ громадное озеро Ньяссу.

На берегахъ Ньяссы арабскіе купцы покупали рабовъ у мѣстныхъ князей - работорговцевъ. Ливингстона встрѣчали тамъ враждебно, а въ иныхъ деревняхъ прямо не пу-

скали и не хотѣли продавать съѣстныхъ припасовъ.

Въ маѣ 1860 г. Ливингстонъ повелъ макололовъ на ихъ родину. Нѣсколько изъ нихъ обжились въ Тетѣ и захотѣли остаться тамъ. Съ Ливингстономъ пошелъ его братъ, пріѣхавшій изъ Америки, а также докторъ Киркъ и еще нѣсколько англичанъ. Ливингстонъ шелъ черезъ прежнія мѣста, вездѣ встрѣчалъ старыхъ зна-

комцевъ — негритянскихъ князей и старшинъ, и они принимали его радушно. Еще радостнѣе встрѣтили Ливингстона въ странѣ макололовъ. Со времени отъѣзда Ливингстона макололы вытерпѣли не мало горя. На поляхъ была засуха и неурожай, самъ Секелету былъ боленъ, англійскій миссіонеръ съ женой и трое англичанъ, которые отправились туда раньше Ливингстона, за-

хворали лихорадкой и умерли.

Ливингстонъ недолго оставался у макололовъ. Онъ спѣшилъ назадъ, къ устью Замбези, встрѣчать новыхъ англійскихъ миссіонеровъ, которыхъ, по его указанію, послали изъ Англіи просвѣщать негровъ на берегахъ рѣки Шире. Старый Ливингстоновъ пароходъ подъ конецъ затонулъ въ Замбези, но вскорѣ прибылъ другой пароходъ, присланный

англійскимъ правительствомъ, а вслѣдъ за нимъ и миссіонеры на двухъ англійскихъ корабляхъ. Ливингстонъ отправился съ ними осматривать мѣста, гдѣ имъ поселиться. Во время этой поѣздки они встрѣтились съ караваномъ работорговцевъ. Ливингстонъ хотѣлъ было обойтись съ ними мирно и выкупить невольниковъ за деньги, но работорговцы, не дожидаясь переговоровъ, бросили скован-

ныхъ невольниковъ и убѣжали въ лѣсъ. Восемьдесятъ четыре освобожденныхъ негра пожелали поселиться тамъ, гдѣ поселятся миссіонеры. Ливингстонъ выбралъ мѣсто для миссіонерскаго поселенія недалеко отъ озера Ньяссы, среди мирнаго племени манганджей. Эти мѣста часто разоряло другое, грабительское племя— аявы. Не успѣли миссіонеры поселиться, какъ аявы пришли и сожгли

одну деревню, а когда миссіонеры вышли къ нимъ уговаривать, чтобы они оставили свое злое дѣло, тѣ окружили ихъ, стали стрѣлять изъ ружей и луковъ и наступали все ближе... Миссіонеры тоже пустили въ ходъ оружіе, и отбились отъ свирѣпыхъ дикарей. Ливингстонъ былъ огорченъ до глубины души: онъ шелъ проповѣдывать неграмъ миръ и любовь, а на этотъ разъ ему пришлось уча-

ствовать въ битвѣ противъ нихъ.

Устроивъ миссіонеровъ, Ливингстонъ убѣждалъ ихъ дѣйствовать на негровъ мирнымъ убѣжденіемъ и не раздражать никого. Самъ онъ вернулся къ устью Замбези встрѣчать свою жену: она все время оставалась въ англійскихъ владѣніяхъ на югѣ Африки, такъ какъ захворала еще на кораблѣ въ дорогѣ изъ Англіи. Наконецъ Ливингстонъ до-

ждался ея. Вмѣстѣ съ нею прибылъ къ устью Замбези новый пароходъ, заказанный Ливингстономъ для того, чтобы плавать по озеру Ньяссѣ и мѣшать разбоямъ и торговлѣ рабами.

Казалось, великіе замыслы Ливингстона начинали сбываться: въ Африку ѣхали миссіонеры, у Ливингстона были пароходы и довольно людей, чтобы защищать мирныхъ негровъ отъ грабителей и

работорговцевъ; съ нимъ были спутники-англичане, наконецъ, съ нимъ была его любимая жена, вѣрная помощница во всемъ. Но счастье было слишкомъ коротко.

Ливингстонъ спѣшилъ плыть съ пароходами вверхъ по Замбези, чтобы перебраться черезъ пороги, пока не спало половодье. Доплывъ до селенія Шупана, онъ услышалъ печальную вѣсть: два миссіонера, которыхъ

онъ оставилъ у озера Ньяссѣ, заболѣли лихорадкой и умерли. Бѣда не приходитъ одна. Жена Ливингстона снова заболѣла и черезъ недѣлю умерла. Въ этотъ день Ливингстонъ плакалъ навзрыдъ и въ первый разъ въ жизни желалъ себѣ смерти.

Ливингстонъ заглушалъ свое горе трудомъ. Онъ провелъ цѣлые полгода въ поискахъ удобнаго пути къ озеру Ньяссѣ. Черезъ

полгода, когда опять полились дожди и настало половодье, Ливингстонъ повелъ пароходъ къ озеру по рѣкѣ Шире. То, что онъ теперь видѣлъ вокругъ, наводило ужасъ: деревни были разграблены и сожжены, по рѣкѣ плыло столько человѣческихъ труповъ, что крокодилы не успѣвали поѣдать ихъ, и они мѣшали пароходу плыть. Особенно горько было то, что разбои устроили не какіе

нибудь дикари-негры, а португалецъ, и проникъ онъ въ эти дикія страны по пути, открытому Ливингстономъ. Казалось, все добро, которое дѣлалъ Ливингстонъ, обращалось во зло.

За шестьдесятъ верстъ отъ озера пришлось разобрать пароходъ на части и перетаскивать на озеро по сухому пути, такъ какъ на рѣкѣ были водопады. Для этого надо было сперва устроить до-

рогу, вырубить деревья, убрать камни. Отъ недостатка свѣжей пищи люди болѣли; самъ Ливингстонъ пролежалъ больнымъ больше мѣсяца. И въ это тяжелое время Ливингстонъ не измѣнилъ себѣ. Онъ работалъ стоя въ водѣ и грязи, пока болѣзнь не свалила его съ ногъ, ободрялъ всѣхъ, сыпалъ шутками и анекдотами и недавалъ своимъ спутникамъ придти въ отчаяніе. Наконецъ, англійское

правительство написало Ливингстону, что оно не можетъ тратить больше денегъ на его предпріятія. Казенный пароходъ со всѣми служащими англичанами также требовали обратно въ Англію. Итакъ, у Ливингстона отнимали всѣ средства. Одному, безъ помощниковъ, ему нечего было дѣлать и съ своимъ собственнымъ пароходомъ. Приходилось плыть обратно, а для этого ждать новаго половодья,

чтобы провести пароходы по рѣкамъ Шире и Замбези въ океанъ. Но и послѣ стольких бѣдъ и неудачъ Ливингстонъ не упалъ духомъ. Онъ рѣшилъ ѣхать на своемъ пароходѣ въ Индію, продать его тамъ, а на вырученныя деньги продолжать свое дѣло въ Африкѣ. А пока не настало половодье, Ливингстонъ обошелъ пѣшкомъ страны вокругъ озера Ньяссѣ и сдѣлалъ новыя открытія.

Вернувшись къ озеру весной 1864 г., Ливингстонъ довелъ оба парохода по рѣкѣ Замбези до океана, сдалъ казенный пароходъ англійскимъ офицерамъ, а самъ на своемъ маленькомъ рѣчномъ пароходѣ отправился по Индѣйскому океану въ Индію. Самъ Ливингстонъ былъ за капитана, а подъ командой у него были изъ англичанъ только — кочегаръ, матросъ да плотникъ, остальные семь человѣкъ

и еще два мальчика были негры. На Индѣйскомъ океанѣ плаваютъ съ опаской и настоящіе морскіе корабли, съ хорошей командой и подъ начальствомъ опытныхъ моряковъ. Однако, Ливингстонъ благополучно провелъ свой пароходикъ черезъ бурный океанъ и раньше чѣмъ черезъ два мѣсяца прибылъ въ Индію, въ городъ Бомбей.

Однако, прежде чѣмъ продать пароходъ и раз-

статься съ надеждой прекратить съ его помощью ловлю людей и торгъ рабами на озерѣ Ньяссѣ, Ливингстонъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку, поискать помощи въ Англіи, у добрыхъ людей. Онъ занялъ денегъ на дорогу и поѣхалъ въ Лондонъ.

Ливингстону опять начали устраивать торжественные пріемы. Англійское правительство предлагало ему наградить его самого

и устроить его дѣтей, какъ онъ пожелаетъ. Но Ливингстонъ ничего не просилъ для себя. Географическое общество дало ему около 5.000 руб. на новое путешествіе; одинъ человѣкъ не пожелавшій открыть своего имени, далъ 10.000 руб.; англійское правительство выдало Ливингстону въ награду 5.000 руб. и назначило его англійскимъ консуломъ во внутренней Африкѣ, но не назначило жалованья и

не дало помощниковъ. Единственнымъ признакомъ его консульской власти была казенная синяя фуражка съ золотымъ галуномъ, съ которой Ливингстонъ и не разставался до конца жизни. Потомъ, благодаря ему, эту казенную англійскую фуражку стали знать и уважать во всей Африкѣ.

Ливингстонъ поѣхалъ опять въ Бомбей, продалъ свой пароходъ за 20.000 руб., но и эти

деньги пропали, такъ какъ индѣйскій банкъ, гдѣ были положены деньги, раззорился.

Изъ Индіи Ливингстонъ переправился опять въ Африку. Онъ взялъ себѣ въ помощники 12 индійскихъ солдатъ и нѣсколькихъ негровъ и снова отправился къ озеру Ньяссѣ, на этотъ разъ по сухому пути, черезъ лѣса и горы.

Это было въ началѣ 1866 года. Ливингстонъ ушелъ во внутреннія стра-

ны Африки и вскорѣ отъ него перестали приходить вѣсти.

Черезъ четыре года, между Африкой и Азіей прорыли Суезскій каналъ. Англичане опять стали искать торговыхъ путей во внутреннія страны Африки. Тогда вспомнили о Ливингстонѣ. Во всемъ просвѣщенномъ мірѣ желали знать, гдѣ знаменитый путешественникъ и что съ нимъ сталось.

И вотъ американецъ

Беннетъ, издатель одной распространенной газеты, рѣшилъ во что бы то ни стало добыть вѣрныя свѣдѣнія о Ливингстонѣ и напечатать въ своей газетѣ. Едва ли онъ особенно заботился объ участи самого Ливингстона; но издатели большихъ газетъ не жалѣютъ денегъ, лишь бы добыть интересную новость и напечатать ее въ своей газетѣ прежде всѣхъ. Для этого у нихъ набраны и сотруд-

ники, готовые ѣхать за новостями когда угодно и куда угодно: есть выставка — на выставку, есть война — на войну. Не долго думая, Беннетъ вызвалъ одного изъ такихъ сотрудниковъ, Стенли, и послалъ его въ Африку — поговорить съ Ливингстономъ. Разговоръ между Стенли и Беннетомъ былъ коротокъ и настолько въ американскомъ духѣ, что его стоитъ привести цѣликомъ, со словъ Стенли.

„Входя, я засталъ г. Беннета въ постелѣ.

— Кто вы такой?

— Моя фамилія Стенли.

— Ахъ, да! Садитесь, у меня есть для васъ порученіе.

Затѣмъ, набросивъ на плечи халатъ, г. Беннетъ продолжалъ:

— Какъ вы полагаете, гдѣ теперь Ливингстонъ?

— Право не знаю, сэръ.

— Живъ онъ, какъ вы думаете?

— Можетъ быть живъ, а можетъ быть и нѣтъ.

— Ну, такъ я думаю, что онъ живъ и его можно разыскать. Я хочу поручить это вамъ.

— Какъ, вы намѣрены послать меня во внутреннюю Африку?

— Я намѣренъ поручить вамъ отыскать его, гдѣ бы онъ ни былъ, и вообще собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнія. Старикъ, можетъ быть, нуждается, такъ захва-

тите съ собой достаточно денегъ, чтобы помочь ему, въ случаѣ надобности. Вообще, дѣйствуйте по вашему усмотрѣнію, только отыщите Ливингстона.

— А подумали ли вы о томъ, во что обойдется такая поѣздка?

— А сколько она будетъ стоить?

— Путешествіе Бертона и Спика въ Центральную Африку стоило отъ 30 до 50 тыс. руб.; полагаю, что моя поѣзд-

ка обойдется не дешевле 25 тысячъ.

— Такъ сдѣлайте вотъ какъ. Возьмите десять тысячъ рублей, когда издержите, возьмите еще десять тысячъ, потомъ еще десять тысячъ, потомъ еще десять тысячъ, и такъ далѣе, пока не отыщете Ливингстона“.

Стенли отправился въ Африку, въ Занзибаръ. Тамъ служилъ англійскимъ консуломъ прежній товарищъ Ливингстона,

докторъ Киркъ. Отъ него Стенли узналъ, что Ливингстонъ находится въ арабскомъ городѣ Уджиджи, на берегу озера Танганайки. Въ это время и въ Англіи вспомнили о Ливингстонѣ. Англійское правительство назначило ему въ пособіе 10.000 руб. и 3.000 руб. жалованья въ годъ. Готовилась цѣлая экспедиція въ помощь Ливингстону. Самъ докторъ Киркъ недавно отправилъ къ нему людей

и припасы. Неизвѣстно, зналъ ли Стенли все это; во всякомъ случаѣ самъ онъ не сказалъ никому ни слова о томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Африку. Онъ боялся всего больше двухъ вещей: успѣетъ ли онъ „отыскать Ливингстона“ раньше всѣхъ, и захочетъ ли Ливингстонъ разговаривать съ нимъ. Не теряя времени, Стенли закупилъ товаровъ, которые ходятъ въ Африкѣ вмѣсто денегъ, нанялъ но-

сильщиковъ и вооруженныхъ арабовъ для охраны и двинулся въ путь въ Уджиджи по дорогѣ, по которой ходили съ товарами арабскіе купцы. Онъ обогналъ караванъ негровъ, посланный докторомъ Киркомъ къ Ливингстону съ припасами и письмами и захватилъ письма съ собой.

Дорогой Стенли принялъ было участіе въ войнѣ арабовъ съ неграми и послѣ многихъ приклю-

ченій, достигъ Уджиджи. Онъ засталъ Ливингстона спокойно сидящимъ на крыльцѣ своего дома въ кругу арабскихъ купцовъ. Ливингстонъ едва сдерживалъ свое изумленіе, увидѣвъ человѣка, путешествующаго съ такими удобствами, что за нимъ таскаютъ по африканскимъ пустынямъ ванну, а Стенли (какъ онъ послѣ признавался), не мало безпокоился о томъ, какъ его приметъ великій афри-

канскій путешественникъ. Страхъ его былъ напрасенъ: величіе души Ливингстона состояло въ томъ, что онъ относился ко всѣмъ людямъ одинаково дружелюбно, и за это его любили всѣ, даже арабы, которые торговали рабами, и которымъ Ливингстонъ откровенно, но вѣжливо и безобидно высказывалъ свое неодобреніе къ ихъ ремеслу. Ливингстонъ въ это время сидѣлъ въ Уджиджи безъ

всякихъ средствъ, съ двумя вѣрными слугами-неграми Сузи и Чумагомъ, и не могъ двинуться дальше. Онъ былъ радъ помощи, откуда бы она ни пришла, и былъ чрезвычайно благодаренъ Беннету и Стенли за то, что они ее доставили ему. Однимъ словомъ, встрѣча была самая сердечная.

Вотъ что было съ Ливингстономъ до этой встрѣчи.

Ливингстонъ выѣхалъ

изъ Занзибара въ мартѣ 1866 г. и пошелъ сухимъ путемъ по берегу рѣки Ровумы. Съ нимъ было 12 индійскихъ солдатъ-сипаевъ, 9 человѣкъ съ Канарскихъ острововъ, 7 освобожденныхъ негровъ рабовъ и двое туземцевъ съ береговъ Замбези, всего 30 человѣкъ. Онъ велъ съ собой 6 верблюдовъ, 3 индійскихъ буйволовъ, 2 муловъ и 3 ословъ, съ тѣмъ, чтобы развести эти породы животныхъ въ Афри-

кѣ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ нельзя держать коровъ и лошадей изъ-за мухи цеце. Приходилось пробираться по узкимъ тропинкамъ, сквозь густыя камышевыя заросли; чтобы провести верблюдовъ, нужно было прочищать дорогу топорами на протяженіи цѣлой версты. Однимъ словомъ, работы было много, а сипаи и островитяне оказались отъявленными лѣнтяями. Чтобы заставить Ливингстона вернуть-

ся назадъ, они нарочно мучили животныхъ, везшихъ поклажу, такъ что скоро они всѣ передохли. Вдобавокъ, сипаи раздражали туземныхъ жителей и распускали про Ливингстона вздорные слухи. Ливингстонъ, наконецъ, отправилъ ихъ назадъ въ Занзибаръ. У озера Ньяссы отъ Ливингстона ушло девятеро островитянъ. Къ счастью, жители окрестныхъ деревень охотно помогали Ливингстону и

за небольшую плату переносили его вещи отъ одной деревни до другой. Пришлось Ливингстону проходить и черезъ безлюдныя страны, опустошенныя грабителями, и питаться дикими плодами. Слуги Ливингстона убѣгали одинъ задругимъ и при этомъ обкрадывали его. Одинъ изъ нихъ унесъ ящикъ съ лѣкарствами— самое необходимое въ странахъ, гдѣ свирѣпствуютъ всевозможныя болѣзни.

Рис. 1. Ливингстонъ въ пути.

Въ началѣ 1867 года Ливингстонъ пришелъ въ населенную страну Лунда. Пора года была дождливая, Ливингстонъ заболѣлъ лихорадкой и едва живымъ добрался до береговъ озера Танганайки. Здѣсь онъ пролежалъ недѣлю въ негритянской деревушкѣ. Въ странѣ Лунда Ливингстонъ встрѣтился съ арабскими купцами и присоединился къ ихъ каравану. Онъ осмотрѣлъ озеро Моэро и протекаю-

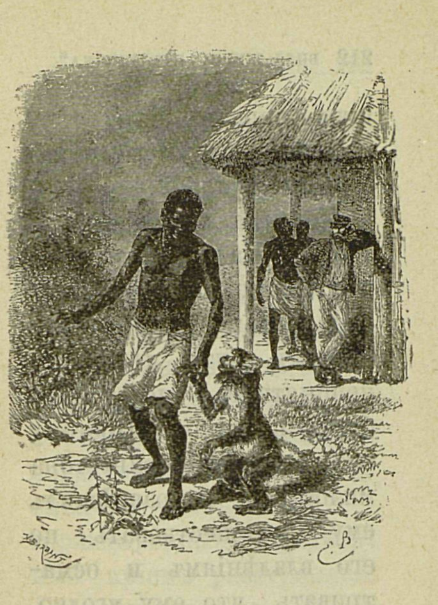

Рис. 2. Ливингстонъ на отдыхѣ.

щую черезъ него рѣку Луапулу, по другому названію Луалабу.

Черный князь страны Лунда, Казембе, узнавъ, что Ливингстонъ пришелъ осматривать рѣки и озера рѣшилъ, что дѣло это непонятное, но какъ будто полезное. Поэтому онъ принялъ Ливингстона милостиво и разрѣшилъ ему путешествовать по его владѣніямъ и осматривать, что ему угодно. Жена Калембе также хо-

тѣла взглянуть на бѣлаго человѣка. Она вышла къ Ливингстону съ большими церемоніями, окруженная множествомъ своихъ рабынь съ копьями въ рукахъ. Это было такъ смѣшно, что Ливингстонпъ расхохотался, расхохоталась и княгиня, а за нею и негритянки; всѣ они со смѣхомъ разбѣжались, и торжественный придворный пріемъ разстроился. Ливингстонъ, по своему обыкновенію, дружески

убѣждалъ Казембе не продавать людей въ рабство и обращаться съ своими поданными не такъ жестоко. Черный деспотъ только смѣялся, однако, все же, въ угоду Ливингстону, освободилъ одного плѣннаго араба. Этотъ арабъ вскорѣ отплатилъ Ливингстону за добро тѣмъ, что переманилъ къ себѣ всѣхъ слугъ Ливингстона, обѣщая имъ легкую работу и веселую жизнь.

Ливингстонъ, покинутый

всѣми, нашелъ себѣ четырехъ негровъ въ проводники и съ ними пошелъ осматривать озеро Бангвеоло. Онъ увидѣлъ, что черезъ это озеро протекаетъ та же рѣка Луапула. У Ливингстона явилась мысль, не составляетъ ли эта Луапула начало великой африканской рѣки Нила, или можетъ быть это начало рѣки Конго? Если бы Луапула соединялась съ Ниломъ, то была бы рѣшена наиболѣе важная

задача—какъ найти непрерывный путь для торговыхъ пароходовъ изъ Европы во внутреннія страны Африки. Ливингстонъ рѣшилъ идти въ Уджижи и дождаться тамъ, пока ему пришлютъ все нужное для новаго путешествія по рѣкамъ и озерамъ. Онъ вернулся къ озеру Моэро, засталъ тамъ прежній арабскій караванъ и своихъ прежнихъ слугъ. Тѣ раскаялись и просили Ливингстона опять принять

ихъ на службу. Ливингстонъ добрался до Уджиджи едва живымъ отъ истощенія. Мучительный кашель съ кровохарканіемъ не оставлялъ его ни днемъ ни ночью; большую часть пути его несли на носилкахъ.

Еще на пути, встрѣтивъ арабскихъ купцовъ шедшихъ въ Занзибаръ, Ливингстонъ послалъ съ ними письма къ доктору Кирку, прося прислать ему припасовъ и нанять носильщи-

ковъ. Ливингстонъ рѣшилъ пройти вдоль рѣки Луалабы и узнать, куда она течетъ. Нѣсколько разъ Ливингстонъ выходилъ изъ Удживжи и пытался добраться до этой рѣки, то съ арабскими караванами, то самостоятельно съ тремя наиболѣе вѣрными слугами. Онъ ходилъ пѣшкомъ по болотамъ, его ноги покрылись ранами, и онъ пролежалъ три мѣсяца въ городѣ Бамбаре. Наконецъ, туда пришли къ нему

Рис. 3. Больной Ливингстонъ на носилкахъ.

десять носильщиковъ, но большую часть припасовъ они оставили въ Уджиджи и притомъ увѣрили, что докторъ Киркъ нанялъ ихъ затѣмъ, чтобы они привели Ливингстона въ Занзибаръ. Ливингстонъ уговорилъ ихъ итти съ нимъ дальше за двойную плату и снова отправился къ Луалабѣ. Онъ дошелъ до Луалабы, но не могъ ни у кого достать лодки, чтобы плыть по рѣкѣ. Наконецъ, его новые наем-

ники наотрѣзъ отказались итти дальше, и Ливингстонъ вернулся въ Уджиджи. Тамъ оставались присланные ему припасы; но слуга, который ихъ стерегъ, растратилъ и разворовалъ большую ихъ часть, такъ что Ливингстонъ остался ни съ чѣмъ.

Въ такомъ положенiи засталъ его Стенли.

Стенли уступилъ Ливингстону часть своихъ запасовъ и взялся нанять и прислать ему изъ Зан-

зибара надежныхъ людей. Ливингстонъ проводилъ Стенли почти до половины обратнаго пути и остался ждать обѣщанныхъ людей.

Когда Стенли возвратился въ Занзибаръ, тамъ ужъ была готова англійская экспедиція, посланная затѣмъ, чтобы отыскать Ливингстона и помочь ему. Съ ней былъ одинъ изъ сыновей Ливинстона. Стенли объявилъ, что теперь эта

экспедиція не нужна. Начальники экспедиціи обидѣлись, и она въ самомъ дѣлѣ разстроилась. Ливингстону послали только часть заготовленныхъ припасовъ, какую онъ требовалъ письмомъ черезъ Стенли.

Кажется, Стенли лучше бы сдѣлалъ, если бы вовсе не ѣздилъ къ Ливингстону. Помощь Ливингстону была послана и безъ него, и пришла бы въ то же самое время

или немного позже, или самъ Ливингстонъ отправился бы въ Занзибаръ и поправилъ бы, по крайней мѣрѣ, свое здоровье. Изъ писемъ, которыя привезъ Стенли, Ливингстонъ узналъ, что англійское правительство назначило ему пособіе и жалованье, но онъ не зналъ, что въ помощь ему идетъ цѣлая англійская экспедиція. Не явись Стенли, Ливингстонъ дождался бы ея, и все пошло бы по другому.

Такъ или иначе, Ливингстонъ, получивъ новые припасы и носильщиковъ, не сталъ больше ждать ничего и опять отправился искать воднаго пути изъ африканскихъ озеръ къ Нилу. Онъ снова достигъ озера Бангвеоло и рѣки Луалабы, во время дождей и водополья, переправляясь черезъ разлившіяся рѣки и болота, идя все время по глубокой грязи. Ливингстонъ въ конецъ надорвалъ свои

силы, снова заболѣлъ и его опять несли на носилкахъ, такъ какъ онъ не могъ ни итти, ни ѣхать верхомъ.

Теперь Ливингстонъ думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до сухого мѣста. Подъ конецъ онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ выдти изъ хижины, въ которой ночевалъ, и его слуги проломали стѣну, чтобы пронести его на носилкахъ. Встряхиваніе носилокъ на пути

причиняло Ливингстону жестокія мученія. Дойдя до ближайшей деревни, слуги Ливингстона наскоро построили для него хижину, пока онъ лежалъ на носилкахъ подъ проливнымъ дождемъ, и положили его на постелъ изъ травы. Въ ночь на 1-е мая 1873 г. Ливингстонъ два раза звалъ слугу, спрашивалъ, что за шумъ снаружи, и просилъ подать лекарства. Рано утромъ слуги Ливингстона

вошли въ хижину. Тамъ горѣла восковая свѣча; Ливингстонъ стоялъ на колѣняхъ у постели, опустивъ голову на сложенныя руки. Слуги думали сперва, что онъ молится, но онъ былъ уже мертвъ. Эти вѣрные слуги Ливингстона Сузи и Чумагъ высушили и набальзамировали тѣло Ливингстона. На это пошло у нихъ 14 дней. Сердце и внутренности они вынули и зарыли подъ вѣтвистымъ деревомъ.

На корѣ дерева они нацарапали надпись и поставили тамъ деревянный крестъ. Тѣло обернули тканями, уложили въ выдолбленный гробъ и понесли на носилкахъ въ Занзибаръ. Сузи и Чумагъ также заботливо собрали и взяли съ собой всѣ бумаги и вещи Ливингстона. Девять мѣсяцевъ они съ прочими неграми, спутниками Ливингстона шли по африканскимъ болотамъ и пусты-

нямъ. Нѣсколько негровъ заболѣло и умерло въ пути отъ усталости и лишеній. Почти на половинѣ пути встрѣтила ихъ новая англійская экспедиція, посланная на помощь Ливингстону. Начальникъ экспедиціи уговаривалъ негровъ похоронить тѣло Ливингстона тутъ же, но вѣрные слуги не послушались. Они донесли тѣло своего учителя до берега океана и сдали его на англійскій корабль вмѣ-

22^d carried in Kitanda
over Buga S W. 2 1/4

23^d do 1 1/2
24 do 1.
25th do 1
26 to 2 1/2

to Kalunganjovu's
total 33 = 8 1/4

27 knocked up quite
and remain = recover.
sent to buy milch
goats. We are on the
banks of R Molilamo

Рис. 5 и 6. Послѣднія строки

20th April 1873 = S. service
cross over the Moenda
for food & to be near the
head men of these parts
Muanzambamba – I am
excessively weak =
vil. on the Moenda sponge 7 Atu.
25.88 } 66°
26.12 } clouds
25.70 } high
cross Lukolu in a canoe
R. is about 30 yds broad
very deep and flowing
in marshes – 2 knots
from SSE to NNW
into Lake.

21st tried to ride but was
forced to lie down and
they carried me back to
vil. exhausted

записной книжки Ливингстона.

стѣ съ бумагами и вещами. Такъ отблагодарили негры того, кто отдалъ неграмъ всю свою жизнь. Тѣло Ливингстона перевезено въ Лондонъ и похоронено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вмѣстѣ съ королями; но его сердце лежитъ подъ могучимъ деревомъ въ далекой негритянской деревушкѣ.

Дозв. ценз. СПБ., 8 нояб. 1900 г. Тип. М. П. С.

2007237625